

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
Кафедра белорусского языкознания

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Методические рекомендации

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2021*

УДК 81'1-112(075.8)
ББК 81г.я73
Л59

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 4 от 18.02.2020.

Составитель: доцент кафедры белорусского языкознания ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент **В.Э. Зиманский**

Рецензент:

доцент кафедры общего и русского языкознания ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент *Т.В. Скребнева*

Л59 **Лингвистическое источниковедение : методические рекомендации / сост. В.Э. Зиманский. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – 64 с.**

Методические рекомендации предназначены для студентов, обучающихся по специальности II ступени получения высшего образования (магистратура) «Языкознание». Предметом курса являются язык и тексты памятников письменной культуры, изучение которых имеет значение для освоения истории живого языка, истории текста памятника письменности и необходимо для построения истории литературного языка как орудия духовной культуры.

Издание может использоваться не только магистрантами, но и студентами филологических специальностей.

УДК 81'1-112(075.8)
ББК 81г.я73

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА	4
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ	5
Теоретические и практические аспекты лингвистического источниковедения	5
Лингвотекстологические исследования	20
Текстология и методы установления подлинности текста	25
Палеографический анализ рукописных книг разновременной принадлежности	33
Стили (типы) кириллического письма (устав, полуустав, скоропись)	36
Вязь	43
Моравизмы, восточно- и западноболгаризмы	49
Корпусные и лингвистические исследования	52
Проблемы, связанные с созданием автоматического электронного лемматизатора	54
ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ	56
Лингвистическое источниковедение как новое направление в языкознании	56
Палеография и методы палеографического анализа рукописи	56
Подготовка изданий памятников письменности. Научно- лингвистическое издание источников	61
КОНТРОЛЬ УСВОЕНИЯ МАТЕРИАЛА	62
ЛИТЕРАТУРА	63

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Процессы, происходящие в современном мире, оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности человека. В частности, научная сфера деятельности подвергается непрерывным изменениям, стараясь соответствовать наиболее важным потребностям человечества в начале третьего тысячелетия. Следуя требованиям современной социальной ситуации, гуманитарные науки приобретают более гибкий, интегративный и полидисциплинарный характер, образуя синтез не только с родственными гуманитарными науками, но также и с естественными науками.

Одной из динамично развивающихся гуманитарных областей, является лингвистика. Проблемы лингвистического толка вызывают живой интерес у представителей образования и науки, являются основой для создания научных и творческих лабораторий, проведения вебинаров, семинаров и научно-практических конференций. В целом, лингвистика начала XXI века является такой областью знания, в рамках которой осознанию и дальнейшему обсуждению подвергаются не только классические вопросы языкознания, но и делается попытка определить особенности современной языковой личности, проводится анализ современных дискурсивных практик.

Не вызывало и не вызывает сомнений то, что плодотворное развитие языкознания зависит не только от методов исследования, их совершенствования, но и от характера, состава, изученности источников, которые являются материальной (фактической) базой исследования.

Лингвистическое источниковедение – область лингвистического знания, предметом которой является язык памятников письменной культуры народа. Изучение языка письменных источников сочетает в себе три аспекта. Во-первых, оно может пролить свет на историю живого языка; в этом случае письменные источники выступают как свидетели процесса его исторического развития. Во-вторых, это изучение может иметь значение для истории текста памятника, то есть служить целям его текстологического исследования. В-третьих, это изучение необходимо для построения истории литературного языка как орудия духовной культуры.

Лингвистическое источниковедение справедливо признается одной из наименее разработанных отраслей языкознания; работы, посвященные теоретическим основаниям лингвистического источниковедения (вопросам об объеме понятия «лингвистическое источниковедение», об объекте и предмете нового раздела языкознания, о его методах, типах лингвистических источников и др.), сравнительно немногочисленны.

Изучение языка памятников должно проводиться непосредственно по текстам рукописей или изданий, выполненных с учетом современных эдических правил. Перед филологом-источниковедом, таким образом, стоит задача подготовки, введения в научный оборот неизданных памятников письменности и их изучения.

Для изучения дисциплины необходимы знания, умения и компетенции, полученные обучающимися при изучении дисциплин «Введение в славянскую филологию», «Старославянский язык», «Историческая грамматика русского (белорусского) языка», «История русского (белорусского) литературного языка», «Диалектология», «Сравнительная грамматика восточнославянских языков».

Данное издание содержит дидактические материалы, направленные на обеспечение усвоения основного теоретического содержания курса и его закрепление в ходе практической работы, а также раздел, связанный с контролем усвоения знаний.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Лингвистическое источниковедение – это раздел лингвистики, предназначенный для научной интерпретации феномена лингвистического источника, определения его типологии и демонстрации его роли в научном исследовании языка. Лингвистический источник – это любой материальный носитель языковой информации. Он может существовать в звуковой или письменной форме. Любое лингвистическое исследование требует отбора и оценки источников, т. е. материала, содержащего ту или иную информацию о языковых явлениях. По определению С. И. Коткова, «лингвистический источник представляет собой единицу непосредственного (инструментально-физического) или опосредованного (графического) запечатления языка или его элементов, объём и содержание которой определяется, с одной стороны, возможностями и потребностями общения, с другой – строем запечатлённого».

Когда говорят о лингвистическом источниковедении, то в первую очередь имеют в виду памятники письменности, которые уже более двух столетий используются для изучения истории восточнославянских языков. При этом каждый исследователь так или иначе описывает привлечённый к анализу материал, вследствие чего происходит накопление сведений о лингвистической ценности тех или иных источников. Образцом всестороннего анализа лингвистических источников служат работы А. А. Шахматова о новгородских грамотах XIV–XV вв. и двинских грамотах XV в.

Источниковедение делится на две области исследования: теоретическое и прикладное источниковедение. Теоретическое источниковедение разрабатывает общие методы изучения и исследования исторических источников. Эти методы конкретизируются при изучении отдельных групп источников и определенных их характеристик. *Предметом исследования для теоретического источниковедения являются методы, в прикладном источниковедении метод – это определенный инструмент изучения категориальный аппарат источников, их интерпретация.*

Теоретическая лингвистика исследует языковые законы и формулирует их как теории, аккумулирует и ставит под сомнение выводы насчет языка. Она бывает эмпирической (декскриптивной): описывает реальное вещание, интересуется речевым поведением и знаниями людей из-за того, что они говорят и как они это делают. В дескриптивной лингвистике нет понятия «правильно-неправильно»; нормативной (прескриптивной, регулятивной) лексики: указывает, как «нужно» говорить и писать, определяет стандартный вариант языка для работы в главных сферах жизни государства: образование, правительство, торговля, право, общение между людьми, разделенными большими расстояниями, с большими культурными различиями и расстоянием во времени.

Прикладное источниковедение занимается такими проблемами, возникающими при работе с историческими источниками, как установление времени, места создания источника его автора, реконструкция источника и др.

Один из самых сложных вопросов в работе с лингвистическими источниками – понятие авторства. Практически каждая из известных летописей – результат работы нескольких поколений летописцев. Уже поэтому само представление об авторе (или составителе, или редакторе) летописного текста оказывается в значительной степени условным. Каждый из летописцев, прежде чем приступить к описанию событий и процессов, очевидцем или современником которых он был, переписывал один или несколько предшествующих летописных сводов, бывших в его распоряжении. Когда же летописец подходил к созданию оригинального, авторского текста о современных ему событиях, участником или очевидцем которых он был либо о которых узнавал от свидетелей, он руководствовался высшим

для христианского сознания историческим опытом, пытаюсь различить в происходящем отображение Священной истории – вневременной и постоянно заново переживаемой в реальных событиях настоящего. Отсюда следовал и способ описания – через прямое или опосредованное цитирование сакральных текстов.

Тексты источников, на которые опирался летописец, служили для него и его современников семантическим фондом, из которого выбирались готовые клише для описания и оценки происходящего. Работа с летописями начинается с чтения и сличения всех списков данной редакции. При этом фиксируются и объясняются разночтения между ними. Следует помнить, что разбивка на слова и расстановка знаков препинания в публикациях летописей – результат определенной интерпретации текста исследователем (издателем). Изучение истории летописного свода в целом и каждой летописной статьи – в рамках данной летописи и предшествующих ей сводов, до того момента, когда статья вошла в летописный текст, – исключает не критическое, потребительское отношение к летописному материалу.

Следующее важное условие научного изучения летописей – установление личности летописца, его политических, религиозных, этнических и прочих взглядов, симпатий и антипатий, пристрастий и неприятий.

Критический анализ источника должен также предусматривать историю бытовавших в тот период, когда создавался летописный свод, значений и смыслов образной системы, которая использовалась летописцем и хорошо понималась его читателями. Без этого восприятие информации, заключенной в подлинном тексте летописной статьи, становится некритическим, а проблема достоверности текста подменяется проблемой его подлинности. С этим связан так называемый наивно-исторический подход к восприятию летописных сведений, буквальное их повторение в исторических исследованиях. Естественно, чтобы понять любое информационное сообщение, необходимо знать язык, на котором оно передается. Но этого еще недостаточно, чтобы считать, что текст понят. Буквальный, лингвистически точный перевод текста сам по себе представляет собой лишь одно из вспомогательных средств для уяснения смысла источника.

Лингвистическое источниковедение и преподавание лингвистических дисциплин

Источниковедение издавна считалось традиционной отраслью исторической науки. Получить информацию о человеке, обществе, государстве, о событиях, происходивших в разное время и в различных частях мира, можно только опираясь на исторические источники. Чтобы ее получить, необходимо понимать особенности возникновения исторических источников. Однако ее надо не только извлечь, но и критически оценить, правильно интерпретировать. Изучая фрагменты прошлой реальности, важно уметь делать логические умозаключения о том, что означает сам факт их наличия, уметь воспроизводить на их основании взаимосвязанную картину той культуры, того общества, остатком которой они являются. Эти знания и навыки необходимы не только историкам, но и более широкому кругу специалистов гуманитарных наук, в том числе филологам. Этим обуславливается актуальность изучения источниковедения в рамках преподавания лингвистических дисциплин.

Лингвистическое источниковедение справедливо признается одной из наименее разработанных отраслей языкознания. Достаточно сказать, что работы, посвященные теоретическим основаниям лингвистического источниковедения (вопросам об объеме понятия «лингвистическое источниковедение», об объекте и предмете нового раздела языкознания, о его методах, типах лингвистических источников и др.), сравнительно немногочисленны.

Лингвистическое источниковедение представляет собой область лингвистики, предметом которой является язык памятников письменной культуры народа. Исследование языка письменных источников имеет несколько направлений. Во-первых, оно направлено на изучение истории живого русского языка, и в этом случае письменные источники выступают свидетелями процесса его исторического развития. Во-вторых, такое исследование важно для изучения истории текста конкретного письменного памятника, и таким образом непосредственно служит целям его текстологического изучения. В-третьих, подобные

разыскания необходимы для построения истории русского литературного языка как феномена духовной культуры народа.

Это напрямую коррелирует с тем фактом, что к настоящему времени определился новый статус источниковедения в системе гуманитарных наук. Суть его заключается в том, что исторический источник (продукт культуры, объективированный результат деятельности человека) выступает как единый объект различных гуманитарных наук при разнообразии их предметов изучения. Тем самым он создает единую основу для междисциплинарных исследований и интеграции наук, а также для сравнительно-исторического анализа.

В ходе своего становления источниковедение обобщает научно-исследовательский и публикаторский (археографический) опыт, накапливавшийся в процессе работы с литературно-художественными, философскими, правовыми произведениями в классической филологии, философской герменевтике, литературоведении и лингвистике.

Можно проследить наиболее тесную связь лингвистического источниковедения с такой лингвистической дисциплиной как литературоведение. От изучения произведений в их жанровой типологии исходит поворот к более глубокому анализу текста, передаче устной речи в письме и к исследованию восприятия текста его читателем. Французский литературовед, исследователь языков культуры Р. Барт (1915–1980), работавший на стыке литературы, лингвистики, семиотики, глубоко проанализировал письмо как знаковую систему и отношение между субъектом письма и языком. Литературоведение, опираясь на достижения лингвистического анализа, обратилось к более глубокому исследованию межличностного, межсубъективного общения. В процессе коммуникации сообщение говорящего субъекта и его восприятие собеседником не адекватны. Р. Барт в данной связи отмечает значения лингвистических идей для анализа литературного дискурса. Более углубленный и тонкий анализ существа взаимодействия между произведением, текстом, читателем может быть осуществлен при условии междисциплинарных исследований, использующих приемы различных наук. Соответственно, в процессе преподавания литературоведения стоит обращать внимание обучающихся не только на важное значение, которое в рамках данного направления придается феномену языка, однако и на феномен текста и его восприятия читателем. Это позволяет студентам-лингвистам выходить за пределы исследования собственно литературных текстов и обращаться к более широким исследованиям всего пространства современной культуры.

Процесс преподавания лингвистических дисциплин неразрывно связан с формированием у студентов следующих компетенций, являющихся навыками и умениями, необходимыми для источниковедения: распознавать наиболее значимые лингвистические единицы текста, транслитерировать рукописный текст; создавать тексты разного типа (комментарий, реферат, самостоятельный палеографический и историко-лингвистический анализ текста, статьи словоуказателя); создавать электронные версии источников; пользоваться научной и справочной литературой, библиографическими источниками и современными поисковыми системами.

Полученные знания, помимо, лингвистического источниковедения, могут быть использованы в научных исследованиях в областях литературоведения, лексикографии, философии языка, а также в редакторской, издательской и других видах деятельности.

Вместе с тем не вызывало и не вызывает сомнений то, что плодотворное развитие источниковедения в рамках преподавания лингвистических дисциплин зависит не только от методов исследования, их совершенствования, но и от характера, состава, изученности источников, которые являются материальной (фактической) базой исследования.

Источниковедческая база языкознания

Традиция нераздельного изучения истории языка с исследованием древних памятников письменности, в которых он отражается, складывается в русской лингвистике еще в XVIII в.

Изначально исследователей интересовали письменные источники (летописи, хронографы, акты публичного и гражданского права, мемуары, письма, политические сочинения,

жития святых, эпиграфический материал, документы по внешней политике, историко-литературные издания и сборники, записки иностранцев и т. д.). Впоследствии, начали изучаться и устные источники (произведения народной словесности: былины, сказки, исторические песни, пословицы, поговорки, различные поверья, народные легенды, стихи, частушки относятся к памятникам устной словесности.).

Начало лингвистическому изучению древних памятников письменности было положено М. В. Ломоносовым. При работе над текстом «Российской грамматики» (1755) им исследовались публично-правовые акты киевского и московского периода русского государства с целью сбора грамматического материала.

В XIX в. к памятникам древнерусской письменности обращаются представители сравнительно-исторического метода языкознания, одним из основоположников которого был А.Х. Востоков. Глубокое знание языка древнерусских рукописей лежит в основе многих его работ. Но более всего важно для нас то, что им были подготовлены к изданию тексты «Изборника великого князя Святослава Ярославича 1073 г.» и древнейшего датированного памятника – «Остромирова евангелия». Продолжателем научного метода А.Х. Востокова стал И.И. Срезневский. Им издано огромное количество памятников старославянской и русской письменности, сопровождаемых палеографическим описанием и заметками о языке (например, «Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка» (1868), «Славяно-русская палеография XI–XIV вв.» (1885) и др.). К отдельным произведениям древней литературы И.И. Срезневский составлял словари. Позже материалы словарей памятников послужили лексической базой «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (1893–1912).

В XX в. научный интерес к рукописному наследию все более возрастает. Изданием и описанием западнорусских памятников письменности занимается акад. Е.Ф. Карский, чье имя также стало известно в связи с разработкой теоретических основ палеографии. Среди известных работ Е.Ф. Карского – «Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII век» (1901), «Славянская кирилловская палеография» (1928), «Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи» (1829) и др.

Занимаясь проблемами истории русского литературного языка и его современного состояния, В.В. Виноградов изучил огромное количество рукописных текстов, о чем писал в одной из статей: «В лабиринте памятников я старался не выпускать из рук Ариадниной нити, которой служили для меня свидетельства живых современных говоров. Кроме того, я убежден, что только соединение интенсивного метода исследования памятников с экстенсивным может дать прочные результаты. Поэтому я стремился захватить в круг своего рассмотрения возможно большее число памятников и старался исчерпать, по крайней мере, для себя каждую рукопись в интересующем меня отношении. Я не отбрасывал, как негодное средство, рукописи религиозно-церковного характера и пользовался ими рядом с оригинальными памятниками: грамотами, актами, летописями и т.п., хотя путь, которым я в том и другом случае шел к анализу живой речи писца, был различен». На основе наблюдений над языком памятников и живой речью В.В. Виноградов написал такие работы, как «Исследования в области фонетики северно-русского наречия» (1919), «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» (1834), «Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка» (1958) и др. Таким образом, к середине XX в. в области издания памятников письменности, методики описания их внешнего вида и языка было накоплено достаточно большое количество материала.

В периодизации источниковедения как науки выделяется два этапа: этап накопления материала и этап разработки теоретических основ новой научной области.

На первом этапе, в XVIII–XIX вв., историками языка изучаются и издаются письменные памятники преимущественно древнерусской эпохи. Это обстоятельство позволяет заметить, что круг опубликованных материалов был ограничен в жанровом, графическом, территориальном и хронологическом отношении.

На втором этапе, во II половине XX в., лингвистическое изучение внешнего вида и содержания памятников письменности с целью их научного издания стало предметом отдельной науки – лингвистического источниковедения, теоретическая база которой формировалась в рамках работы Сектора лингвистического источниковедения и исследования памятников языка ИРЯ АН СССР.

Установление центральных понятий лингвистического источниковедения определяется наличием существенной связи между внешними признаками документа и характером его особенностей на разных языковых уровнях в разных языковых аспектах. Другими словами, подчеркивается связь графики с функциональными разновидностями языка, жанровой принадлежностью текста, состоянием правописных норм эпохи, речевым укладом писцов, степенью их грамотности и проч. При этом указанная связь проявляется в виде взаимозависимости, при которой наличие графических особенностей в некоторой степени предполагает существование определенных языковых фактов и наоборот.

Источники в новейших историко-лингвистических исследованиях

В настоящее время лингвистические исследования строятся на базе источников, которые можно разделить на два типа: *традиционные* и *инновационные*. К традиционным источникам в лингвистическом исследовании относятся:

1) первичные источники материала: тексты – наиболее древний вид, на основе которого и строилась вся эмпирическая база источниковедения.

Материалом для проведения лингвистических и филологических исследований является текст, письменный или устный. На основе анализа множества текстов можно сделать вывод об интересующем исследователя языковом явлении, например, о поведении грамматической конструкции, использования выразительных средств в языке и т.п. Развитие вычислительной техники способствовало тому, что большое количество текстов стало доступно в электронном виде. Это коллекции текстов, специально отобранных, размеченных по различным лингвистическим параметрам и обеспеченных системой поиска.

2) вторичные источники материала: словари, справочники, грамматики разных языков; наблюдение, некоторые виды эксперимента (особенно в прикладной лингвистике); полевые методики сбора материала.

Раньше исследователь мог лишь просматривать тексты и вручную выписывать из них нужные примеры; эта предварительная (но абсолютно неизбежная) деятельность была очень трудоемкой и не позволяла обрабатывать большие массивы материала. Теперь подлинно научные описания грамматического строя языков, а также авторитетные академические словари – практически все без исключений – должны составляться на основе корпусов этих языков. Учет корпусных данных оказывается крайне желательным (если не строго обязательным) и при многих других более специальных научных исследованиях. Увеличение объема материала исследования потребовало применения новых методов анализа лингвистических данных, включая их статистическую обработку.

К инновационным источникам языкового материала относятся:

1) корпусы текстов; 2) базы данных.

Корпусы текстов – информационно-справочные системы, основанные на собрании текстов в электронной форме. Разработкой общих принципов построения и использованием лингвистических корпусов (корпусов текстов) занимается корпусная лингвистика.

Большинство крупных языков мира уже имеет свои национальные корпуса (различающиеся по полноте и уровню научной обработки текстов). Общепризнанным образцом является, в частности, Британский национальный корпус (BNC): на него ориентированы многие другие современные корпуса (<http://www.natcorp.ox.ac.uk/>). Среди корпусов славянских языков выделяется Чешский национальный корпус, созданный в Карловом университете Праги (<http://ucnk.ff.cuni.cz/>), Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

С этой точки зрения основными потребителями национальных корпусов являются, конечно, исследователи-лингвисты самого разного профиля. Однако круг пользователей

корпуса вовсе не ограничивается профессиональными исследователями языка. Надежные статистические данные о языке определенной эпохи или определенного автора могут интересовать литературоведов, историков и представителей многих других областей гуманитарного знания. Важное значение национальные корпуса имеют и для преподавания языка в качестве родного или иностранного; всё больше учебников и учебных программ в наше время оказываются ориентированы на корпус. Быстро и эффективно проверить с помощью корпуса особенности употребления незнакомого слова или грамматической формы у авторитетных авторов сможет и иностранец, и школьник, и учитель, и журналист, и редактор, и писатель. Таким образом, национальный корпус обращен ко всем, кто в силу профессии, по необходимости или из простой любознательности ищет ответ на вопросы об устройстве и функционировании языка, то есть фактически к большинству образованных носителей этого языка и ко всем, изучающим его в качестве иностранного.

Если корпуса текстов сближаются с первичным традиционным источником языкового материала, то со вторым источником (лексикографическим) сближаются базы данных. В 1996 году специалистами по компьютерной лингвистике и индексированию текстов была создана компания «Интегрум», разработавшая информационно-поисковую систему баз данных для гуманитарных исследований – Integrum [www.integrum.ru]. Сравнивая «Национальный корпус русского языка» и Integrum, В.А. Плунгян считает, что они дополняют друг друга: для специальных лингвистических исследований, к примеру, грамматических, благодаря развитой системе разметки, наиболее приспособлен «Национальный корпус русского языка». Но с другой стороны, для фронтальных исследований в области «истории слов конца XX века» собрание баз «Интегрум» вне конкуренции.

На вопрос «какова должна быть по объему эмпирическая база лингвистического исследования» однозначный ответ дать невозможно: количество единиц определяется рядом параметров данного исследования: темой – проблемой – объектом – предметом – целью и задачами. Если исследователь владеет лингвистическими методиками, то они уже обуславливают верификацию результатов.

Несмотря на то что основой лингвистического источниковедения в свое время послужило изучение памятников древнерусского языка, сегодня взгляд лингвистов-источниковедов не обращен исключительно в прошлое. Число и характер источников множатся каждый день, следовательно, главной целью лингвоисториковедческого аспекта исследований должны стать выработка новых методов анализа лингвистической содержательности и лингвистической информативности памятников письменности и создание единой классификации, под которую могут быть подведены различные параметры древних и современных источников.

Методология интерпретации источников

Выделяют несколько методов интерпретации исторических источников. При этом подчёркивается, что психологическое истолкование лежит в основе всех остальных методов исторической интерпретации источников.

Психологический метод основан на принципе признания чужой одушевленности (присутствие чужого сознания в источнике). Главный принцип: понятие о единстве чужого сознания – истолкователь отталкивается от гипотезы, что оно обнаружилось в источнике, и придает ему целостность. Обращение к выяснению того состояния сознания, которое сам автор ассоциировал с данным материальным образом. Приемы: установление реального объекта, соответствия между психическим значением данного материального образа у его творца и тем психическим значением, которое историк приписывает тому же материальному образу, предположение наличия цели, с которой создан источник, выяснение цели автора источника лишь в связи с той «главной идеей», которая составляет его содержание, историк должен попытаться понять «главную идею» источника, придающую ему внутреннюю целостность. Недостатком метода является то, что необходимо полное и взаимное понимание двух субъектов (автора произведения и его исследователя), которое предполагает

тождественность их психики – это маловероятно. Историк имеет дело не с живым субъектом, а только с источником, который лишь более или менее отражает одушевленность.

Технический метод ориентирован на толкование тех технических средств, которыми автор воспользовался для реализации своих мыслей и благодаря пониманию которых можно приблизиться к пониманию смысла или назначения его произведения. Основные положения: истолкование его смысла и назначения по материалу и форме, анализ материала, из которого данный предмет сделан, может дать указания о его назначении, месте и времени возникновения, по форме предмета можно судить о технике, времени и месте возникновения источника.

Главным приемом является истолкование стиля: какой вид творчества мог породить данный источник. Исходя из психологии данного типа творчества и из понятия о стиле самого произведения, историк пытается объяснить родовые признаки изучаемого им источника.

Типизирующий метод. Историк придает толкованию источника ярко выраженный исторический характер. Он исходит из понятия о культурном типе, к которому источник относится, и в соответствии с ним понимает его содержание.

Есть два вида типизирующей интерпретации: систематическая и эволюционная. Систематическая интерпретация исторического источника состоит в понимании его в контексте отношения к данному состоянию культуры. Пользуясь этим приемом, историк выясняет не только общие особенности источника, но и те, которые характерны для культуры данной местности, национальности, слоя общества.

Эволюционная интерпретация приобретает наибольшее значение, когда историк объясняет источник в контексте его реальной зависимости от предшествующей культуры и такого же его влияния на последующие её этапы.

Индивидуализирующий метод обращает внимание на тот факт, что при истолковании источника нельзя упускать из вида личность, которая породила его и запечатлела в нём индивидуальные особенности своего творчества.

Изучение личности автора в различных аспектах: историк должен интересоваться не только единством его сознания, согласованностью мыслей, последовательностью его рассуждений, но также его ассоциациями, настроениями, общим эмоциональным тоном его душевной жизни, его волей. Интерпретируя произведение, историк должен стремиться выяснить, что именно думал данный автор, когда работал над своим творением, имел ли он свои затаенные помыслы. При этом должны соблюдаться два правила: 1) источник надо предварительно подвергнуть анализу в его совокупности, а потом толковать отдельные части; 2) текст должен изучаться лишь в его контексте.

Круг источников, к которому применим индивидуализирующий метод, довольно широк, так как под личностью можно понимать и коллективное лицо, и отдельного человека.

При анализе личности автора историк может исходить из биографических данных о нём, или сосредоточить внимание на произведении. Важно изучение генезиса мысли автора, его черновиков, концепций. Полного понимания личности автора историк не может достичь без особого акта собственного творчества: путем синтеза он объединяет проанализированные им произведения и стремится при этом к некой научной конструкции.

Типология и классификация лингвистических источников

Одной из проблем лингвистического источниковедения была и остаётся проблема типологии (классификации). Для её решения требуется всестороннее (а не только с позиций лексической наполняемости) изучение отдельных жанров или видов документов.

Лингвистическое источниковедение должно ограничиваться только памятниками истории языка, на что указывал ещё С. И. Котков, отметив при этом исключительную трудность систематизации источников изучения современного состояния языка.

Предметом является лингвистический источник. Существуют различные определения понятий «источник» и «памятник». Они ранее формулировались применительно к задачам палеографии. Так, известный палеограф В. Н. Щепкин писал: «Если разуместь под письменным памятником всякое зрительное выражение человеческой мысли на поверхно-

стях, то в область палеографии войдут, кроме памятников литературы, также дипломатические памятники, монеты, печати, а равно надписи, резанные на камне и ином твёрдом материале... Памятники содержат человеческую мысль, выраженную зрительными знаками на поверхностях».

Два вида источников по истории языка отмечал акад. А. А. Шахматов. На первое место он ставил изучение современных ему живых говоров, на второе, как само собой разумеющееся, – письменные памятники: «История языка основывается главным образом на данных современного живого языка в его говорах... Но, – продолжает он, – история языка получает яркое освещение и со стороны письменных памятников. Наша письменность восходит к XI веку; анализ памятников письменности XI–XIX века даёт весьма ценные, иногда непререкаемые данные о наличии тех или иных звуковых явлений в указанных хронологических пределах».

Вслед за А. А. Шахматовым кратко и ёмко сформулировал определение понятия «источник по истории языка» акад. М. Н. Сперанский. Он отмечал также две группы источников: «С одной стороны, это будут памятники русской письменности, начиная с XI в., с другой, памятники устные – живая речь современников с того момента, как на нее обратили внимание исследователи и начали прямо из уст народа собирать материалы для истории».

С позиций восприятия источника исследователем С. И. Котков отличал также два вида источников: слышимые источники, видимые и читаемые. Записи голоса с помощью различных технических средств образуют источники звучащие, слышимые. Они накапливаются в фонотеках, которые чаще всего создаются диалектологами, исследователями театральной, публицистической речи. Для историков языка существуют в основном источники видимые, читаемые это накопленные в архивохранилищах рукописи и их издания. Рукописи делятся на три группы в зависимости от почерка, которым они написаны: уставные, полууставные, скорописные. Первые две группы чаще всего были предметом наборных изданий, так как читались сравнительно легко. Многие являлись переводами иноязычных оригиналов, которые в изданиях иногда помещались вместе с русским текстом. Скорописные же представляли известную трудность при чтении, относились к XVI–XVII вв. и гораздо реже издавались: считалось, что фонетический и грамматический строй русского языка полностью сформировался к XIV в. и более поздние источники ничего нового дать не могут.

С позиции заключённой в источнике лингвистической информации деловые скорописные памятники С. И. Котков разделил на три группы: официальная актовая письменность, частноправовая актовая письменность и эпистолярные памятники. «Содержание источника, – писал С. И. Котков, – интересует лингвиста главным образом с той стороны, в какой степени и как именно обусловлено употребление в источнике тех или иных средств языка». Эти средства языка в источнике составляют его лингвистическую содержательность. Как категория источниковедения – это понятие собственно языковое, отражающее «совокупность заключённых в источнике лингвистических данных, предопределяемую его содержанием и его отнесенностью к тому или иному языку или диалекту, а также степенью проникновения науки в материю языка».

Лингвистическая содержательность естественно сложившихся читаемых источников определяется многими факторами: содержанием, жанром, индивидуальной манерой автора (авторов) письменного памятника, временем его создания, историей его функционирования и бытования (если его переписывали, то важно, когда, в каком месте, как отразились особенности языка автора, «редактора», переписчиков и под.), степенью его изученности лингвистами, историками, литературоведами.

Лингвистическая содержательность картотек, лексиконов, словоуказателей – источников с заданными свойствами и по происхождению вторичных – зависит не только от содержания текстов памятников, но и от задач, поставленных учёными при их формировании. Она зависит и от объёма охватываемого материала, и от части его, выносимой на «единицу» источника (в картотеке – на одну карточку), и от способа эксперции (выборочной, полной, сплошной), и от способа расстановки карточек в картотеке (по алфавиту или,

скажем, по словообразовательным гнездам, по систематизированным понятиям и пр.). А лингвистическая содержательность словаря зависит как от всего охватываемого им материала, так и от части его, включённой в каждую словарную статью, от способа представления этой статьи в словаре: дано одно лишь толкование заголовочного слова или приведены в качестве иллюстраций цитаты из памятников, фрагменты живописи, фотографии, графические изображения и пр.

Первопечатные и старопечатные книги

Появление бумаги, развитие науки и техники определили распространение книгопечатания, которое стало важным достижением в истории человечества. Первая печатная книга появилась в 1450 г. в Майнце в типографии И. Гутенберга. Это была «Библия», напечатанная на бумаге (150 экземпляров) и на пергаменте (35 экземпляров). До нашего времени в музеях и частных коллекциях сохранилось всего 48 экземпляров.

Славянское книгопечатание латиницей относится к 1458 г., а кириллицей – в 1483 г. Первые славянские книги, напечатанные кириллицей, вышли в 1491 г., в типографии Швайпольта Фиоля в Кракове. В 1493 г. начала работать типография в Черногории, в начале XVI в. – в Волощине и Чехии. В 1525 г. напечатал две книги Франциск Скорина. Появились и другие типографии в Герцоговине, Сербии. В 1553 г. была основана типография в Москве, где шесть книг выпустил Маруша Нефедьев и где начал работать Иван Федоров (Федорович) с Петром Мстиславцем. Неудачи, которые потерпел Иван Федоров, заставляли его искать места и опекунов. Он побывал в Вене, у магната Ходкевича в Заблудове, во Львове, Дермане, остроге, где был на попечении князей Острожских. Кроме Апостола 1564 г., дошедшего до нас в количестве 61 экземпляра, Федоров, согласно исследованиям, издал еще 11 названий книг. Известно, о 573 книги, среди которых 275 экземпляров составляет Библия, указан в Остроге на 628 страницах.

Особое место среди старопечатных книг занимает «Грамматика» Мелетия Смотрицкого. Книги выпускались тиражом 1,5–2 тыс. экземпляров, большинство из них погибало в течение 20–30 лет. Сохранились в основном единичные экземпляры, которые были вывезены за границу.

Часть богослужебных книг была уничтожена в 50-е годы XVII в., когда московский патриарх Никон проводил церковную реформу, изымал еретические книги. Лишь некоторые из них остались, потому что имели применение у старообрядцев или были сохранены в зарубежных музеях и коллекциях. Распространение печатания на белорусских землях было связано с необходимостью сохранения знаний, для развития образования, для богослужения. Во многих городах при монастырях были типографии и бумажные, выпускались книги также братствами. Книги с их выразительным художественным оформлением, своеобразным шрифтом составляют казну, источник истории, культуры, искусства, книжного дела.

К старопечатным книгам относятся издания от начала книгопечатания до 1800 года. XV и XVI вв. были общими в украинско-белорусском книгопечатании, потому что русский язык был государственным в Великом княжестве Литовском, куда входили земли Украины и Белоруссии. Книги в то время печатались в Заблудове, Могилеве, Буйничках, Львове, Остроге и других городах. Во Львове была довольно известная типография Михаила слезки. На Волыни существовали типографии в Дермани, Константину, Почаеве, Рахману, Четвертные, Луцке, Черные, Кременце, Житомире. Три типографии было в Киеве. С 1615 г. начала работать типография в Печерской Лавре. Она просуществовала три века. Сворачивание печатного дела на украинских землях связано с политикой секуляризации, которую проводила российская императрица Екатерина II.

Необходимо отметить, что исследования памятников письменности первоначально касались древнейших текстов, написанных уставом и полууставом. «Первые исследования русского языка, – отмечал С.И. Котков, – стремясь по возможности проникнуть в наиболее глубокие эпохи его истории, обращаются к самым древним памятникам, писанным, как известно уставом. Ограничение исследуемого списка источников древнерусскими памятниками тогда являлось оправданным. Между тем назревали уже такие задачи, решение кото-

рых предполагало привлечение материалов поздней письменности, скорописных материалов». Однако уже в конце XIX – начале XX в. наблюдается процесс довольно интенсивного изучения памятников делового письма. Этот период характеризуется накоплением материалов, извлечённых из деловых текстов, использованием этих материалов для построения общих курсов истории русского языка и решения частных вопросов исторической фонетики и морфологии, исследованием отдельных памятников и групп памятников, попытками выработать методику реконструкции фактов живой речи. В это время наряду с описательной возникает историческая диалектология.

Среди множества публикаций рукописных памятников, осуществлённых в это время, необходимо отметить изданную в 1907 г. П. К. Симони «Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин», где на чётной странице приводится фотомеханический текст подлинника, а на нечётной – наборный. Отдельной книгой эта рукопись начала XVIII в. издана в серии «Памятники старинной русской лексикографии по русским рукописям XIII–XVIII столетий, собранные Павлом Симони». В третьем выпуске этой серии был издан памятник «Речь тонкословия греческого», к нему присовокуплены половецкий и татарский словарики, даны переводы отдельных слов и помещены примечания акад. Ф. Е. Корша. Позднее, и уже в серии «Памятники старинного русского языка и словесности XV–XVIII столетий» (вып. II, 1), П. К. Симони опубликовал «Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619–20 гг.». Способ представления источника включает и факсимильный, и наборный тексты, как и в «Повести о Горе-Злочастии». В 1922 г. в этой же серии П. К. Симони издал ещё две рукописи. В выпуске первом – «Сказание о киевских богатырях как ходили во Царьград как побили царьградских богатырей, учинили себе честь» по рукописям XVII в. Е. В. Барсова и XVIII в. Ф. И. Буслаева.

В выпуске третьем трудами П. К. Симони была опубликована по Кирилло-Белозерскому списку 1470 г. «Задонщина великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича». Тексты издавались строка в строку, страница в страницу: справа – страница наборного текста, слева – рукописная страница.

В наборном тексте сохранены все титла, старинные буквы, выносные буквы приподняты над строкой. Но в книгах, небольших по объёму, есть белые («порозжие») страницы – это обороты листов, на которых помещены факсимиле рукописей. Видимо, набор текста и печать снимков с рукописи делались отдельно, после чего происходила брошюровка. Как видим, издание, с точки зрения лингвиста, идеальное: каждое написание и каждую форму можно проверить, дать примечания под наборным текстом.

Лингвистическое источниковедение и история языка

Лингвистическое источниковедение – одно из направлений, активно разрабатываемых учеными с 1970-х гг. Собственно теоретические проблемы этой относительно молодой науки, основы которой были заложены сотрудниками Сектора лингвистического источниковедения и исследования памятников под руководством С. И. Коткова в Институте русского языка АН СССР, исследовались в работах О. И. Блиновой, Е. В. Иванцовой, Л. И. Шелеповой.

Теория лингвистического источниковедения развивается этими авторами в тесной связи с теорией смежной научной дисциплины исторического источниковедения. Еще в 1972 г. О. И. Блиновой при характеристике методологической базы новой научной и учебной дисциплины – диалектной лексикологии – был очерчен круг ее основных и вспомогательных источников в виде развернутой классификации, представленной ею в работах. В 1981 г. О. И. Блиновой опубликована статья «О предмете лингвистического источниковедения», в которой уточняются центральные теоретические понятия формирующейся науки – предмет, задачи, лингвистический источник, языковой факт, этапы лингвистического анализа (внешняя и внутренняя критика), позволяющие установить степень достоверности источника и его информативные возможности. В итоге было предложено более широкое определение лингвистического источниковедения как науки о лингвистических источниках, приемах их изучения и выявления степени их информативности.

По мнению О. И. Блиновой, «путеводной звездой» для лингвистического источниковедения должно стать историческое источниковедение с его богатым научным опытом и традициями. Автором предлагается следующая схема лингвоисториковедческого анализа (по образцу исторического источниковедения).

Первый этап. Внешняя критика источника (установление времени и места возникновения источника, обстоятельств его появления, выявление личности автора и т.п.).

Второй этап. Внутренняя критика источника («интерпретация» – истолкование содержания источника, установление его фактической ценности).

Третий этап. Определение степени достоверности собранного материала.

Четвертый этап (заключительный). Выявление степени информативности источника, его возможностей и границ.

Таков общий путь лингвоисториковедческого исследования, уже апробированный в ряде работ. Что касается конкретных приемов и методов критики лингвистических источников, то они подсказываются и определяются как особенностями типов и содержания самих источников, так и нуждами соответствующей лингвистической науки. Представленные теоретические и методические основания лингвистического источниковедения, на которых строится данная работа, конкретизированы и уточнены в ходе проведенного лингвоисториковедческого исследования.

Проблематика, которую обычно включают веру интересов исторической лексикологии русского языка, отличается широтой и многообразием. Так, Ф. П. Филин считал, что историческая лексикология должна «показать, каковы были истоки словарного состава языка во всем его объеме еще в дописьменную эпоху, какими были инновации лексики этого языка после его обособления от других родственных языков, включая новообразования на унаследованной лексической базе и заимствования, чем отличался возникший язык от других родственных соседей, каким было его диалектное членение, какие процессы происходили в лексике и лексической семантике после возникновения и развития письменности, непрерывные изменения (обогащение из разных источников и отмирание архаизмов), имевшие место в течение столетий вплоть до нашего времени во всех разновидностях языка, письменного и устного. Нам должны быть известны основные закономерности, пути развития всего словарного состава языка от его начала до современного состояния. Более того, мы должны знать причины, время его возникновения, изменение его значений и оттенков значений, их связей со значениями других слов».

Не менее важной (многоаспектной) является этимология, которая призвана осуществлять комплексный анализ, «с учетом всех его сторон: формальной, семантической, исторической, географической стороны контекста, включая историю денотата». Этимолог, выясняя происхождение слова, стремится определить древнейшие элементы его структуры (фонетическую форму, состав морфем, модель образования), семантическую основу, на которой данное слово возникло, опираясь на регулярные соответствия и изменения (фонетические, словообразовательные, семантические), выявляемые на материале различных языков и диалектов.

Историческую лексикологию и этимологию при всей разности их задач и методов объединяет то, что объектом обеих наук является слово, изучаемое в диахроническом аспекте. А отправной точкой исторической интерпретации лексики являются этимологические сведения. Таким образом, историческая лексикология и этимология «тесно связаны между собой, своими достижениями они взаимно питают и обогащают друг друга». При анализе некоторых лексических пластов (например, внутриязыковых дериватов, переживших деэтимологизацию) «этимология и история употребления настолько тесно переплетаются, что оторвать их друг от друга невозможно».

Итак, объект исторической лексикологии и этимологии в общем виде может быть определен следующим образом: слово во всех его формальных и семантических изменениях со времени возникновения в языке (или первой фиксации) до наших дней и в его системных связях с другими лексемами.

Теория изданий лингвистических источников

Теория изданий лингвистических источников разрабатывает вопросы типологии, методологии и принципов научных изданий памятников письменности. Требованиям лингвистического анализа удовлетворяет такое воспроизведение источников, которое в максимальной степени исключает необходимость обращения непосредственно к оригиналу. Издание должно с исчерпывающей полнотой представлять все существенные для лингвиста особенности данного памятника. Основные способы лингвистического издания памятников письменности – это факсимильный (фототипический, цинкографический и др.) и наборный (шрифтовой), которые можно совмещать в одном издательском проекте. Удачным примером сочетания факсимильного и наборного способа может служить издание Нового Завета в переводе иеромонаха Чудова монастыря Епифания Славинецкого по рукописям последней трети XVII в., подготовленное Т. А. Исаченко.

Факсимильное издание в ряде случаев имеет некоторые преимущества перед наборным, так как отражает большее количество индивидуальных примет рукописи. В силу этого подобное издание может служить базой для исследовательской работы большого числа специалистов: лингвистов, искусствоведов, литературоведов, историков и т.д. Так, известное цветное фотомеханическое издание Архангельского евангелия 1092 г. хорошо воспроизводит оригинал; оно передаёт не только индивидуальные особенности почерка писцов, но и оттенки цвета чернил, киновари в украшениях, цвета пергамента, досок переплёта, обрез листов и т.п. Однако факсимильное воспроизведение текста имеет и существенные недостатки. Его возможности зависят в первую очередь от состояния самого памятника письменности – такое издание может быть применимо только к источникам хорошей сохранности, поскольку все повреждения писчем материале (пятна, трещины, сгибы и др.) передаются на снимке вместе с изображениями букв и затрудняют правильное прочтение, а иногда делают его невозможным.

По сравнению с факсимильным шрифтовое наборное издание воспроизводит меньшее количество индивидуальных особенностей памятника письменности, но вместе с тем обладает и некоторыми преимуществами. Современные компьютерные технологии позволяют в наборном издании передать текст источника в форме настолько близко к оригиналу, насколько мы этого хотим. При наборном издании возможна передача текстов, которые трудно читаются (например, скорописных); возможно воспроизведение стершихся, осыпавшихся и других подобных написаний, читаемых иногда лишь при помощи лабораторного анализа; могут быть напечатаны зачеркнутые и исправленные в рукописи написания. Легко передаются границы строки; отмечаются написания, сделанные красками, и т.п. Иными словами, в наборном издании возможна передача наиболее существенных особенностей памятника. Такое издание может служить надёжной основой научной работы языковеда.

К наборному изданию, призванному удовлетворить запросы лингвистов разных специальностей, предъявляются особые требования. Если в нелингвистической среде (т.е. в изданиях историков, юристов, философов, религиоведов, отчасти литературоведов, а также в разного рода научно-популярных книгах) принята сознательно упрощённая практика воспроизведения источников, то в лингвистических изданиях необходимо самое тщательное и полное воспроизведение собственно языковых особенностей памятника письменности. Текст должен быть передан с сохранением всех особенностей его графики (включая показ инициалов, диакритических знаков, по возможности графических вариантов букв), орфографии и пунктуации.

Существуют две разновидности лингвистического наборного издания – акрибическая и герменевтическая. При *акрибической* (от греч. ἀκρίβεια – ‘точность’) публикации оригинал воспроизводится с сохранением расположения текста, а именно: лист в лист, страница в страницу, строка в строку, слово в слово, буква в букву, пробел в пробел, точка в точку. От себя издатель вводит в публикацию лишь словоделение и (иногда) опускает диакритику, а также невмы. Так издан, в частности, под редакцией С.И. Коткова Выголексинский сборник конца XII в. При *герменевтическом* наборе источника вносятся определённые изменения (по сравнению с оригиналом) в расположение текста, которые отражают

результаты его исследования издателями и предназначены для облегчения беглого чтения и освоения текста пользователями. В частности, гимнографические тексты публикуются стихометрически, но с помощью системы символов обеспечивается соотнесение стихов со строками оригинала (напр., публикация фрагментов Ильиной книги в монографии Е.М.Верещагина «Церковнославянская книжность на Руси»).

Лингвистические издания памятников могут быть весьма разнообразны и по характеру публикуемых текстов, и по объёму. По характеру публикуемых текстов все лингвистические издания памятников письменности можно разделить в основном на две группы: издания-монографии и издания сборники. Монографическое издание содержит либо воспроизведение текста одной рукописи, например, Успенского сборника XII–XIII вв. (под редакцией С.И. Коткова), либо части рукописи, по содержанию являющейся единым целым.

Сборники, составляемые публикаторами, могут заключать воспроизведение отдельных рукописей, обычно небольших по объёму, выбранных по определённому принципу (например, издания новгородских берестяных грамот), или воспроизведение частей рукописей, представляющих собой самостоятельные тексты. Наиболее часто издания-сборники составляются из текстов деловой и актовой письменности.

Известны и тематические сборники со специально подобранным материалом. Таков известный труд И.В. Ягича «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке», в котором содержатся отрывки, освещающие избранную тему, более чем из 20 рукописей.

Можно выделить и третий вид изданий, который занимает промежуточное положение между изданием-монографией и изданием-сборником, – публикация одного произведения по нескольким спискам. Примером служит издание «Русской Правды» под редакцией Б.Д. Грекова, в котором текст памятника воспроизводится по 15 рукописям.

Воспроизведение текста памятника письменности в лингвистическом издании сопровождается, как правило, его текстологическим и лингвистическим исследованием. В текстологическом исследовании представлена история публикуемого текста, дано развернутое объяснение принципов и приемов текстологической работы, проводившейся при подготовке издания. Параметры же лингвистического исследования определяются конкретными языковыми особенностями публикуемого источника. Обязательной составной частью лингвистического издания памятника письменности является научно-справочный аппарат, который традиционно включает: а) археографическое введение, б) палеографическое описание; в) примечания, г) указатели; д) приложения. В археографическом введении содержится общая характеристика источника с точки зрения его лингвистической ценности, обосновывается актуальность и значение его публикации, указывается место хранения памятника и его шифр, сообщаются сведения о структуре и составе издания, приводятся принятые в данном издании правила воспроизведения текста. Палеографическое описание содержит сведения о таких общих особенностях рукописи, как её внешняя форма, объем, сохранность, материал (пергамен, бумага), вид письма (устав, полуустав, скоропись), орудие письма, особенности чернил (красок), орнаментация, переплёт, застёжка, печать. Делается заключение о времени написания недатированной рукописи или рукописи с сомнительной датировкой. В палеографической статье описываются общие и частные особенности почерка писца или писцов, границы почерка, начертания наиболее показательных букв, отмечается наличие специальных форм письма (тайнопись, вязь). В подстрочных примечаниях указываются те палеографические, текстологические, лингвистические черты, которые характеризуют не весь источник в целом, а представляют собой частные особенности отдельных мест. В зависимости от содержания и объема рукописи или рукописей издание может включать следующие указатели: указатель слов и словоформ текста с необходимыми грамматическими пометами, указатель терминов, указатель лиц, указатель географических названий, указатель библейских цитат и др. К приложениям относятся иллюстрации, в том числе факсимильное воспроизведение листов рукописи, таблицы, библиография и др.

Определение и история появления книжных и электронных изданий

Изданиями называют все произведения печати, прошедшие редакционно-издательскую обработку, оформленные полиграфически и предназначенные для передачи содержащейся в них информации.

Эволюция книги, как документа связана с процессом создания письменности, эволюцией материалов и инструментов для письма. В развитии книги можно выделить два этапа: рукописный и печатный.

В древности существовали различные формы рукописной книги, так в III–II тысячелетиях до н. э. на Древнем Востоке были распространены книги в виде глиняных дощечек. Известна библиотека, состоящая из многих десятков тысяч глиняных дощечек, принадлежавшая ассирийскому царю Ашшурбанипалу (VI в. до н. э.). Наиболее распространенными формами рукописной книг были свиток (ленточная форма) и кодекс (блочная).

Книга-свиток возникла в Египте примерно в III тысячелетии до н. э. и была основной формой до VI в. н. э. и представляла собой свернутую в рулон ленту. Книги в форме свитка писались, в основном, на папирусе, но иногда использовались и другие материалы, например, листья, кожа, дерево.

Книга-кодекс появилась в первых веках до н. э. и сохранилась без существенных изменений до настоящего времени. Прототипом книги-кодекса явился Полиптих – несколько скрепленных между собой дощечек, натертых воском, которые древние римляне использовали для письма. Древнейшими из сохранившихся кодексов считаются списки Библии, созданные в IV–V веках н. э. Возникновение новой формы книги – кодекса – связано с началом использования для создания книги нового материала – пергамента, тонко выделанной кожи животных.

С XII века для изготовления книг в Европе стала использоваться бумага. Для декора печатной книги использовались ксилография, резцовая гравюра на металле, позже, в XIX веке – литография, линогравюра. Изобретение литографии и торцовой гравюры на дереве расширили возможности иллюстрирования книги, привели к ее удешевлению.

Книгопечатание появилось в XV веке благодаря изобретению Иоганна Гутенберга. Несколько веков печатные издания, т. е. книги, газеты и журналы, были основным средством распространения визуальной информации. Большую часть этого периода основой изготовления печатной продукции служил оригинальный металлический набор, а металлическая матрица (в заключительной части периода – стереотип) являлась информационной основой для тиражирования. Печатная книга, которую начали создавать в Европе с XV века, унаследовала форму, конструкцию и элементы декора от книги. Однако уже в первопечатных книгах проявляются и специфические черты оформления: печатный шрифт, графическая иллюстрация, тиражный формат. В эпоху машинного производства, когда появилась необходимость в унификации размеров книги для ее массового изготовления и товарного обмена, возникло понятие «формата книги».

Результаты измерений десятков русских книг XI–XIII веков показали, что устойчивых размеров книг не было. Формат будущей книги выбирал переписчик, исходя из ее назначения, а также согласуясь со вкусами заказчика и собственным желанием. Напрестольные евангелия, богато иллюстрированные и большие по объему книги (прологи, сборники и пр.) делались, как правило, большого размера (высота книжного блока более 30 см). Таковы, например, древнейшие рукописные книги: Остромирово Евангелие (1056–1057), Изборник Святослава (1073) и др. Книги, предназначенные для повседневного употребления, имели сравнительно небольшие форматы, отличались простотой внешнего и внутреннего облика. Примером подобного рода книг может служить Архангельское евангелие (1092) – дешевая книга, переписанная, по-видимому, по заказу приходской церкви крестьянского погоста. С началом применения бумаги для изготовления книг в основу их форматов был положен размер (доля) бумажного листа. Однако твердо установленных форматов бумаги по-прежнему не было, поскольку они зависели от размеров сетки для отлива бумажного листа, которые устанавливались изготовителем бумаги произвольно.

Со временем мастера-бумажники остановились на двух основных размерах: меньший – 30 x 50 см; больший – 50 x 70, которые, впрочем, точно не соблюдались. После изобретения книгопечатания книжные форматы постепенно стали уменьшаться из-за стремления издателей сделать книгу более дешевой, удобочитаемой и доступной.

Во второй половине XIX века с применением фотографии в издательском деле распространяются фотомеханические способы репродуцирования, что способствует появлению книг и журналов с большим количеством цветных иллюстраций.

Во второй половине XX века появилось новое понятие – «невещественный носитель», – под которым понималось любое электронное средство длительного хранения информации, на котором записано издание в целом или его часть. Чаще всего информация хранилась на магнитном носителе: магнитной ленте или магнитном диске. Однако такие носители оставались несовершенными: надежность хранения и плотность занесения информации были низки. Поэтому такие средства в издательской практике использовались достаточно редко. В большинстве отечественных издательств процесс подготовки изданий основывался на использовании «бумажных» технологий. Автор сдавал рукопись, напечатанную на пишущей машинке. В издательстве она редактировалась и в окончательном виде также перепечатывалась машинистками издательства, и этот издательский машинописный оригинал использовался в качестве основы для типографского набора.

Последние десятилетия XX века характеризуются быстрым совершенствованием и развитием электроники и компьютерных информационных технологий. Именно в этот период практически все издательства перешли на компьютерный набор и верстку газет, журналов и книг. Издание хранилось в памяти компьютера все время набора и верстки, т. е. оставалось в электронной (невещественной) форме в течение всего процесса подготовки, вплоть до вывода на принтер так называемого постраничного оригинал-макета. Полностью сверстанное и подготовленное к печати издание, хранимое в памяти компьютера (на жестком магнитном диске) или в специальном запоминающем устройстве долговременного типа можно назвать «электронным изданием». Однако для того, чтобы электронная книга, журнал или газета действительно могли соперничать со своими печатными аналогами, необходимы средства их распространения, доведения до читателя. В конце XX века эти средства фактически стали массовыми, т. е. получили самое широкое распространение. Периодические электронные издания стали распространяться преимущественно по сетям, в частности, по глобальной сети Интернет.

Далее понятие «электронные издания» стало включать в себя тексты книг, журналов и газет, распространяемые в любом текстовом или ином формате, например, в гипертекстовом (HTML) или одном из сжатых форматов (ZIP, ARJ, RAR, WINZIP и пр.). В последнее десятилетие XX века в составе электронных изданий стали применяться еще и мультимедийные компоненты, под которыми подразумеваются цифровые звуковые или видеофрагменты, а также анимационные вставки в основную часть издания. В результате электронные издания стали средством комплексного информационного воздействия на человека, сравнимого с радио, кино и телевидением, а в чем-то даже превосходящем эти важные средства массовой коммуникации.

Отличия электронных изданий от книжных

Принципиальным отличием печатных от электронных изданий является возможность интерактивной реализации последних, при которой пользователь (читатель) может не только перемещаться по встроенным в текст гиперссылкам, но и активно вмешиваться в ход событий, моделировать процессы, в том числе производственные.

Преимущества электронных изданий:

– устройства для чтения электронных книг имеют функцию поиска по тексту, возможны переходы между страницами по гиперссылкам, выделения и заметки, можно создавать множество закладок и быстро переходить по ним;

- экономия места: в одном устройстве хранятся сотни и тысячи книг, электронную книгу проще носить с собой, т.к. она имеет меньший размер и вес, по сравнению с книгами на бумажном носителе;
 - размер и вид шрифта меняется на усмотрение читателя;
 - возможно отображение анимации и видео клипов, проигрывание аудио в дополнение к чтению текста;
 - несмотря на более высокую цену, в итоге электронные книги обходятся значительно дешевле за счет низкой стоимости текстов, покупаемых в сети, а чаще бывают бесплатными;
 - электронную книгу проще найти, чем бумажную, особенно когда нужен цветной вариант; достать редкую книгу не проблема, благодаря глобальной сети Интернет;
 - покупая электронную книгу, люди уменьшают вред, наносимый природе.
- Преимущества книжных изданий:
- издания, которые были выпущены в домах печати, были проверены редакторами. В них практически нет места опечаткам или ошибкам. Электронные варианты книг довольно часто становятся жертвами безграмотности своих «издателей». Даже если грамматических ошибок нет, то можно найти там неправильно расставленные переносы. Однако далеко не всегда электронная книга представляет собой текстовый файл. Довольно часто она находится памяти устройства в качестве отсканированного варианта реального печатного издания. Отсюда и вытекают проблемы неровных строк, тусклости сканирования, искривления символов.
 - у электронных книг высокая восприимчивость к механическим воздействиям (они более хрупкие, чем книги из бумаги);
 - некоторые издательства не выпускают электронные варианты книг одновременно с печатными аналогами, что задерживает появление электронных версий в продаже;
 - в электронных книгах применяется, так называемые DRM -технические средства сохранения авторских прав;
 - электронным книгам нужна своевременная подзарядка, хотя, на сегодняшний день, эти устройства имеют низкое энергопотребление;
 - четкость и контрастность изображения ниже, чем у бумажного аналога.

ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Лингвистическая текстология – это научная дисциплина, являющаяся отраслью текстологии, цель которой состоит в установлении лингвистической истории текста, т.е. истории изменений всякого исследуемого текста с момента его создания на фоне исторически меняющейся языковой нормы. Поскольку исследование текстов, в свою очередь, позволяет описать языковую норму в ее исторически конкретных формах в каждый момент существования письменности, лингвистическая текстология служит основой для изучения истории языка. «В конечном счете история языка по письменным памятникам есть не что иное, как история перемен, вносимых в текст при его переписке». Лингвотекстология тесно связана также с палеографией, археографией, источниковедением, кодикологией и др.

Важнейшим источником для изучения истории русского языка являются памятники письменности, большинство которых представлены в виде рукописей на пергаменте или бумаге. Сохранившиеся в этих источниках тексты отвечали разным потребностям и запросам общественной жизни своей эпохи. Они не были предназначены для тех целей, с которыми теперь используются в языкознании. Это обстоятельство ставит перед исследователем ряд сложных вопросов и задач по правильной интерпретации лингвистических данных из письменных источников. Адекватное истолкование этих лингвистических данных в хронологическом и локальном отношении возможно только на базе текстологического исследования.

Изначально лингвотекстология была ориентирована на изучение библейских и богослужебных текстов – книг Священного Писания, сочинений отцов церкви догматического, экзегетического, гомилетического, канонического содержания, агиографии, гимнографии, литургики и т.д. В силу своих социальных функций эти тексты были крайне влиятельны, на их долю в Древней Руси приходилось большинство бытовавших и переписывавшихся рукописей, а их язык являлся нормативным регулятором и стабилизатором языковой нормы. Авторитетные образцовые тексты задавали нормативные установки для всего круга церковнославянской книжности. Вместе с тем ценность этих памятников для лингвотекстологических исследований определялась не только многочисленностью их списков и их ролью нормативных образцов. Их «главное преимущество ... – почти полная сопоставимость языковых данных», обусловленная тем, что средневековые переписчики стремились к стабилизации сакральных текстов, хорошо понимая, что любая неточность рукописного копирования вносит искажения в их смысл. «Тождественность текста в разных списках Св. Писания или литургических рукописях являлась *primū disederatum* всей средневековой письменности». Имеющиеся в этих списках текстологические отличия, препятствующие в других случаях непосредственному сопоставлению языковых фактов, состоят преимущественно лишь в разной последовательности определенных частей текста. Сравнительно нетрудная сопоставимость материала позволяет выявлять языковые соответствия разных списков.

Возникновение лингвотекстологического направления связано с научной школой Л.П. Жуковской. Уже в ранних ее работах лингвистическая текстология оформилась в своем применении и методе. Главной сферой лингвотекстологии стали памятники с контролируемой текстологической традицией – библейские и богослужебные тексты. Книга Л.П. Жуковской «Текстология и язык древнейших славянских памятников» (1976) подвела итог многолетним исследованиям автора в области истории текста и языка Евангелия, со всей очевидностью продемонстрировала необходимость лингвотекстологического направления и завершила «авторскую» разработку данного направления.

Стали проводиться аналогичные лингвотекстологические изучения других памятников. Лингвотекстология продолжает отечественные традиции комплексного филологического изучения славяно-русских письменных памятников, которые закладывались и развивались А.Х. Востоковым, И.И. Срезневским, И.В. Ягичем, А.И. Соболевским, А.А. Шахматовым и другими учеными. Результаты текстологических исследований, которые осуществлялись в последние десятилетия историками древнерусской литературы и были обобщены и описаны Д.С. Лихачевым в книге «Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков» (1962).

Этапы лингвотекстологического изучения списков памятника

Типологическое исследование памятника, заключающееся в *сравнительном изучении состава и элементов структуры списков избранного памятника*. Лингвотекстологический метод стал формироваться как поэтапное исследование типологических, текстологических и собственно языковых фактов памятника письменности, представленного более чем в одном списке. Главное внимание уделяется *компоновке отдельных составных частей текста*. Практически типологическое изучение находит применение по отношению к произведениям с особо сложной и разнообразной композицией, которые в каких-то (часто – в практических) целях по-разному компоновались из отрывков одного и того же содержания. Прежде всего это относится к памятникам письменности, существовавшим в четких и служебных вариантах (например, Евангелие, Апостол), причем последние в свою очередь имели немаловажные различия в компоновке тождественных по содержанию элементов. На этапе типологического исследования могут быть *установлены редакции и группировки памятника*, отличающиеся друг от друга составом и структурой.

Текстологическое исследование, предполагающее выявление текстологических особенностей, типичных для той или иной группировки списков. Для классификации источников на этом этапе используются приемы и методы традиционного текстологического

анализа древних памятников письменности: «по косвенным данным: на основе анализа разночтений, ошибок, изучения сознательных изменений текста, изучения самих рукописей, установления конъектур, определения вставок или пропусков, глосс и интерполяций, копии и оригинала, подражания и образца, установления источника перевода и пр.»).

Собственно лингвотекстологическое исследование – выявление языковых различий списках памятника и их многоаспектная интерпретация (хронологическая, локальная, структурно-функциональная), определение их типов, установление условий и причин их возникновения, анализ соотношения постоянных и варьирующихся языковых явлений. В процессе поэтапного языковых фактов памятника получили четкое разграничение термины «памятник» (произведение) и «список» (рукопись), были определены термины «редакция памятника» (лингвистическая), «извод языка памятника», текстологическая и типологическая классификация списков памятника, описаны основные разновидности лексических вариантов, составлен перечень лингвистических элементов, обладающих значимостью в аспекте текстологии и т. п.

Результатами лингвотекстологических исследований были не только установление истории памятника, выявление и опубликование всех списков, не только описание содержательных и лингвистических расхождений между списками, но и принципиальная переоценка многих сложившихся взглядов на те или иные проблемы истории языка.

Наиболее наглядным способом представления итогов текстологического исследования лингвистического источника является его научное издание, без которого изучение текста нельзя признать полным и завершенным. Лингвистическое исследование рукописных и печатных текстов, в первую очередь, значимо для воссоздания полной картины путей становления русского языка.

Разночтение как предмет лингвотекстологического исследования.

Типы разночтений

На каждом этапе в результате сравнения рукописей друг с другом фиксируются их различия, т.е. *разночтения* (типологические, текстологические, языковые), которые и являются предметом исследования.

Типологическое разночтение между списками складывается за счет наличия-отсутствия и/или различной компоновки каких-либо структурных частей памятника (отрывка текста, чтения, стиха и т.д.), выполняющих важную функциональную роль в организации его содержания. Текстологические разночтения между списками возникают в результате переосмысления копируемого текста и изменения его содержательной стороны. Текстологически значимыми вариациями текста являются добавление (*additio*), пропуск (*omissio*), замена (*substitutio*), перестановка (*transpositio*). Текстологическая ценность этих разных по форме типов разночтений признается равной. Точно также признается равной текстологическая ценность разного типа разночтений по содержанию, например, синтаксическая перестройка, замена словосочетания одним словом, замена одного слова другим, словообразовательный вариант, прибавка или пропуск строевых элементов текста (частиц, союзов) и т.п.

Не всегда могут быть однозначно квалифицированы и дифференцированы текстологические и языковые разночтения. Один из актуальных вопросов лингвотекстологии – вопрос о том, какие именно языковые явления следует рассматривать как текстологические разночтения, а какие – как собственно лингвистические, имеющие первостепенное значение для решения лингвистических задач. Наибольшее **текстологическое значение** имеют те разночтения, которые относятся **к содержанию текста**. «Общность-разница, относящиеся к содержанию (собственно содержанию, наличию определенных составляющих целое частей в их композиции) более значимы, чем общность-разница, относящиеся к выражению этого содержания, т.е. прежде всего к языку. В свою очередь и среди языковых явлений большую текстологическую значимость имеют те различия, которые относятся к содержанию, к значению, чем различия, отражающие закономерные исторические изменения в языке (или хотя бы в отдельных территориальных диалектах)». Появление **языковых**

разночтений в списках одного памятника могло быть обусловлено лингвистической компетенцией писцов, их нормативными установками, представлениями о правильности языка, их диалектной принадлежностью и др. В идеале в результате анализа языковых разночтений должно быть установлено:

- 1) время проникновения в текст той или иной лингвистической единицы;
- 2) место, где это произошло;
- 3) нормативный образец, определивший появление этой единицы;
- 4) какой лингвистический элемент был заменен при введении этой единицы;
- 5) какая лингвистическая единица и в каких условиях вошла в текст ей на смену.

Решение всего комплекса задач по определению типов разночтений и их последующему анализу, по выявлению причин и условий их появления позволяет установить закономерности развития языка памятника и реконструировать лингвистическую историю текста. Создание лингвистической истории памятника письменности обеспечивает науку надежно документированным и ничем не заменимым материалом для истории языковой нормы и в конечном счете истории языка.

Дальнейший прогресс лингвотекстологии связан со статистическими методами оценки источников, среди которых наибольшую эффективность продемонстрировал метод, разработанный американским текстологом Э.К. Колвеллом для изучения греческих новозаветных рукописей. Этот количественный метод успешно развивается на основе новейших компьютерных технологий А.А. Алексеевым, применяющим его для исследования библейских текстов.

Историко-лингвистическое описание источников

Историческая лингвистика (от греч. δια – через и χρόνος – время) – научная дисциплина, занимающаяся изучением языковых изменений с течением времени. Основными задачами этого направления лингвистики являются:

- объяснение изменений одного языка за некоторый период;
- реконструкция предыстории языков и определение их родства, в соответствии с которым они классифицируются по языковым семьям (сравнительно-историческое языкознание);
- разработка общих теорий языковых изменений;
- изучение истории языковых сообществ;
- изучение истории слов, то есть их этимологии.

Как известно, история всегда отождествляется с подлинностью, истинностью каких-либо событий и фактов. Историческое событие как совокупность объективно существующих фактов фиксируется неким субъектом в каком-либо историческом источнике. Данный процесс предназначен для передачи информации читателям. И читатель, получив информацию из письменного источника, формирует собственное представление относительно описанного в источнике сообщения.

Историко-лингвистический анализ подразумевает рассмотрение источника (текста) как свидетеля исторического движения определенного времени, в котором мы отмечаем семантическую составляющую и рассматриваем, как в нем отражается мышление и самосознание людей, его создававших.

Прикасаясь к источнику, исследователь-историк прежде всего получает сведения через языковую информацию. В первую очередь язык отражает мировоззрение народа, зафиксированное в знаковой форме, а уже потом он обращается к лексическому пласту источника.

Такой подход к изучению источников является новым и оригинальным. Нестандартность работы видится в *смещении фокуса исследования исторического источника в область его информационного потенциала*, в попытке объединения исторических и лингвистических методов исследования для выявления всех видов информации, содержащейся в тексте. Ведь исторический источник, в первую очередь, является носителем сообщения,

и это сообщение репрезентируется посредством языка. Через язык фиксируется фрагмент объективной действительности, фрагмент картины мира. И исследователь, получая языковую информацию, осмысливает ее как источник исторической информации. Отсюда, исторический источник является единым информационным объектом для исследователей, демонстрируя собой яркий образец сближения и совместного рассмотрения информационного пространства.

Конечно, тут многое зависит от языкового чутья исследователя, от умения почувствовать ту тонкую грань, которая присутствует при формировании значения слова, при создании более четкой, верной интерпретации, от его умения вникнуть в суть информации исторического памятника. Смысловые компоненты, которые входят в ядро значения слов и выражений и попадают в фокус внимания говорящих, могут не реализоваться. Интуиция историка, сохранение языковой традиции будут способствовать тому, что предыдущий исторический этап, зафиксированный в источнике, он сможет ясно осмыслить. Опора на имеющийся в обществе исторический и языковой опыт, опора на понимание всего процесса развития, опора на связи с другими, более высокими этапами развития языка будут способствовать наиболее полному отражению семантической картины. Здесь происходит движение мысли исследователя от современности к прошлому, от сложившегося в наши дни к изучению элементов старого, к реконструкции былого и определенной адаптации к современности. Такая ретроспекция с основой на более высокую ступень развития, помогает пониманию и оценке предыдущей эпохи. Отсюда при источниковедческом анализе древнерусских текстов правомерно, в первую очередь, обращение к языку источника как интерпретатору исторической информации. Язык отражает мировоззрение народа, и это мировоззрение, через интерпретацию индивидом, зафиксировано в письменном памятнике.

Поскольку каждый исторический источник представляет собой источник языковой информации, стоит отметить один немаловажный факт. Языковая информационная составляющая источника тоже не монолитна. Deskриптивная природа языка позволяет создавать разные модели описания объектов материального мира, что приводит к разным способам оформления представленной информации. Кроме сообщения, которое мы получаем через языковую информацию, непосредственно изучая текст, кроме информации, которая открыта и находится «на поверхности» источника, в исторических памятниках еще немало скрытой информации, внешне не проявляющейся, не зафиксированной в знаковом виде внутренней информации, выявляющейся лишь при углублённом внутреннем анализе языкового материала. Первый вид информации объективен, он связан с восприятием объективного мира, с восприятием внешней среды, второй вид информации идет от субъекта речи, он более индивидуален, и связан с внутренним пониманием сообщения.

Получается, что информационное поле источника состоит из двух плоскостей: большого *внешнего информационного поля* и не менее большого *внутреннего информационного поля*. И только через основательный обзор всего информационного потенциала языка источника может быть полностью выявлено содержание письменного памятника, что поможет представить в полном объеме его историческое пространство, историческую эпоху, отметить исторический колорит. Данных результатов для выявления открытой и скрытой информации источников можно добиться, применяя разные методы, среди которых метод ретроспекции и комплексный по своей сути более ёмкий метод информационного подхода к разным жанрово-стилистическим группам, ко всему корпусу исторических источников. Обычно он является доминирующим при анализе семантической структуры текста.

Итак, историк уже на первом пути работы с текстом оказывается связан и с лингвистическими методами, и с методами текстологического анализа. Как-то, изучая язык деловой прозы, А.Н.Качалкин детально изобразил различие подходов к изучению исторических документов историком и филологом. «Историка, – писал он, – интересует содержательная сторона документа, сами общественные факты, возникновение социально значимых явлений..., историк разбирает дела, филолог – жанры, слова и языковые процессы в разных их проявлениях Историк через язык интерпретирует действительность, филолог через дей-

ствительность интерпретирует язык». Однако время по-иному расставило приоритеты. Для современного историка текст документа стал интересен не только и не столько «фактами», но и тем, как в нем отражается мышление и самосознание людей, его создававших, дух и разумение отличной от его собственной эпохи. Без них работа с текстовыми источниками не может быть эффективной.

ТЕКСТОЛОГИЯ И МЕТОДЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПОДЛИННОСТИ ТЕКСТА

Текстология – филологическая дисциплина, предметом которой является изучение текста произведения и его критическая проверка с целью его интерпретации и последующей публикации. Текстология обобщает принципы, методику и приемы изучения текста, основываясь на сравнительном, историко-литературном, литературоведческом и книговедческом методах исследования. Среди текстологов существует давний спор – текстология (или как ее долго называли – **критика текста**) принадлежит науке или это искусство? Одно время с распространением механических приемов решения сложнейших текстологических вопросов школы К. Лахмана и ее видоизменений казалось, что ответ найден в другой области: текстология – это ремесло; настолько простыми представлялись тогда все текстологические приемы.

Сейчас мы можем сказать так: текстология – это наука, но методика работы текстолога настолько усложнилась, что она стала для текстолога в известной мере и искусством. Однако текстология ни в коем случае не ремесло, которое позволило бы текстологу отделиться в решении своих собственных задач. Текстологу приходится быть в курсе всех исторических наук применительно к изучаемой эпохе. Вот почему хороший текстолог он и литературовед, и историк, и историк общественной мысли. От широты и разносторонности его знаний, от его умения охватывать факты и от искусства, с которым он применяет методические приемы изучения текста, зависит успех его исследований.

Творчество – процесс; восприятие творения – также процесс, и это особенно ярко проявляется при чтении литературных произведений. Автор создает произведение, внушая читателю представление о том, что читатель вместе с ним вновь проходит весь путь его творчества. Автор создает у читателя иллюзию творческого процесса. Читая произведение, читатель как бы участвует при создании произведения, оно разворачивается перед ним во времени. Конечно, на самом деле творческий процесс гораздо сложнее, чем он предстает перед читателем в произведении, однако черновики, наброски, разные редакции произведения остаются за бортом произведения и не воспринимаются читателем. Творчество многочисленных средневековых «соавторов» – переписчиков, составителей сводов, компиляторов, редакторов текста – также не доходило до читателей, воспринимавших каждое произведение как создание цельное и законченное.

Менялись отдельные приемы восстановления первоначального текста, постепенно отпали представления о переписчиках как о людях, только портивших текст по «невежеству» или «глупости», все более осознавалась необходимость не только «исправлять текст», но и изучать его историю, в частности для того же «исправления», но когда дело доходило до определения задач текстологии или критики текста – практическая задача издания текста заслоняла собой все остальные. Ранее считалось, что изучение рукописей ограничивается «добыванием» текста памятника, наиболее близкого авторскому оригиналу (или «архетипу»), который должен быть положен в основу издания.

В известной мере то же определение **задач** текстологии, или иначе «критики текста», находим мы и у исследователя текстов, от которого в значительной мере пошли новые современные методы в текстологии памятников нового времени, – Б.В. Томашевского: «Решение вопроса о подлинности и соответствии документа во всех частях тому, что он передает, называется критикой текста. Реальные результаты критики текста – устранение погрешностей документа, а потому в узком смысле критикой текста называют разыскание

и установление ошибок документа и восстановление в подлинном виде переданного документом ошибочно».

Сперва полностью изучить историю текста памятника, а потом его критически издать (что не исключает отдельные предварительные публикации текста списков) – таков принцип, к которому постепенно пришли советские текстологи-медиевисты. Элементы такого рода нового понимания задач текстологии наметились уже давно. Однако только советское время такое отношение к текстологии получило прочную базу в последовательном применении принципа историзма, в стремлении текстологов рассматривать историю текста, не отрывая этой истории текста от исторической действительности, от общественно-политической жизни эпохи, от его авторов, редакторов, переписчиков.

Текстология становится наукой, преодолевая элементы механистического отношения к текстологическим вопросам. Она становится наукой потому, что вместо задачи публикации текстов на основе механической классификации списков и формального “очищения” текста от ошибок начинает заниматься изучением истории текстов. Это изучение истории текстов сделало большие успехи, так как углубилось само понимание того, что следует подразумевать под историей текста. Под историей текста стала разумеаться отнюдь не только генеалогия списков, лишенная подчас исторических объяснений, основанная на классификации списков только по их внешним признакам. История текста памятника стала рассматриваться в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, составителей тех или иных редакций памятников и их переписчиков. История текста явилась в известной мере *историей их создателей* и отчасти, как это мы увидим в дальнейшем, их читателей.

Только такое отношение к тексту оказалось способно преодолеть элементы механистичности этой дисциплины, превратить ее в самостоятельную историческую науку. Процесс превращения текстологии из суммы филологических приемов для издания памятников в самостоятельную науку далеко не закончен, поэтому в дальнейшем нам придется остановиться только на отдельных сторонах этого процесса – процесса своеобразной “кристаллизации” науки.

Сейчас текстология может считаться совершеннолетней наукой, а не вспомогательной дисциплиной. Это можно заметить (а заметить совершеннолетие обычно нелегко вследствие некоторой инерции наших представлений) по косвенным признакам. К числу таких косвенных признаков относится и то обстоятельство, что текстология в настоящее время сама требует опоры в других вспомогательных дисциплинах. В первую очередь она требует хорошей постановки архивоведения, она требует хорошей организации научного описания рукописей в основных рукописных хранилищах и всемерной координации усилий ученых всех стран.

Изучение истории текста того или иного древнерусского памятника требует привлечения исчерпывающего числа списков и самого изучаемого памятника, и тех памятников, которые вступали с ним в литературное общение. Если нет научных описаний рукописей, то это значит, что разыскание необходимых для того или иного изучения рукописей отдано на волю случая, это значит, что исследователи вынуждены параллельно и кустарно вести одну и ту же работу, которая могла бы быть сделана раз и навсегда для всех сразу. Ученые, работающие без полного аппарата научных описаний с чрезвычайными затратами времени и труда, часто вознаграждают себя тем, что торопятся заняться теми или иными случайно найденными материалами, даже если они не относятся к области их специальных интересов, и публикуют документы, воздерживаясь предупредить читателей, что не собрали всех списков издаваемого памятника.

Одна общая тенденция может быть отмечена и у литературоведов, и у историков, занимающихся Древней Русью: все более и более стираются различия и перегородки между учеными, *добывающими* материал, и учеными, этот материал *изучающими*. Подобно тому как археолог обязан в настоящее время быть историком, а историк досконально владеть археологическим материалом; подобно тому как источниковед становится все более и более историком, допускающим в своих работах широкие обобщения, – и в литературоведении

нии созрела необходимость каждому текстологу быть одновременно широким историком литературы, а историку литературы непременно изучать рукописи. Текстологическое исследование – это фундамент, на котором строится вся последующая литературоведческая работа. Выводы, добытые текстологическим исследованием, очень часто опровергают самые широкие умозаключения литературоведов, сделанные ими без изучения рукописного материала, и в свою очередь приводят к новым интересным и досконально обоснованным историко-литературным обобщениям.

Итак, текстология зародилась как узкоподсобная дисциплина, как сумма филологических приемов к изданию текстов. Первоначально казалось, что перед ней не стоит сложных задач, что вопросы взаимоотношения текстов могут быть решены несложными и единообразными приемами. Она развивалась обособленно, и казалось, что текстолог замкнут в решении своих узких задач. По мере углубления в задачи издания текста текстология, как уже отмечалось выше, все более и более вынуждена была заниматься изучением истории текста произведений. Она становилась наукой об истории текста произведений, а задача издания текста становилась только одним из ее практических применений.

Рост науки не упростил стоящих перед ней вопросов, а усложнил. При этом, становясь самостоятельной научной дисциплиной, текстология не только не оборвала своих связей с другими дисциплинами, но все более их увеличивала. Чем более ясным становилось, что текстология не “сумма приемов”, а самостоятельная наука с самостоятельным полем исследования и специфическими вопросами, тем более укреплялась связь ее с многими другими филологическими, историческими, литературоведческими дисциплинами. Теперь уже никто не назовет текстолога “узким ученым”, а текстологию “узкой дисциплиной”. Напротив, хороший текстолог обязан широко “охватывать” предмет своего изучения. Чем больше он привлекает данных из области палеографии, археографии, литературоведения, истории, искусствоведения и пр., тем более убедительные выводы он получает, тем неопровержимее его построения. История текста не изолирована от общих проблем культуры и “человековедения” в целом. Умение сопоставлять, объединять явления, объяснять один ряд явлений другим, принадлежащим другой области изучения человека и человеческого общества, – становится все более и более необходимым.

До той поры пока мы знаем памятник только в его последнем варианте и лишены возможности проследить движение текста, соотнести текст с явлениями личного развития автора и историческими фактами в целом – наша интерпретация памятника всегда может быть субъективной, подчиненной автору и нашим собственным способам восприятия. Только изучив текст в его движении (самостоятельном, соотнесенном с развитием автора, редакторов, переписчиков, с движением истории литературы и истории и т. д.), мы получаем объективные данные для суждения о нем, о его замысле, художественных тенденциях, идеологии, отразившейся в нем, и т. д. Без изучения истории текста, истории создания произведения мы не можем даже научно понять “последнюю волю автора”.

Свою школу текстологов создал в свое время акад. В. Н. Перетц. Ему же принадлежит единственное для дореволюционной науки краткое руководство по текстологии. Замечательной особенностью текстологической школы акад. В. Н. Перетца явилось требование изучать “литературную историю” памятника. В. Н. Перетц писал: “Для историка литературы важно путем изучения списков не только установить архетип памятника, но, проделав обратный путь, сравнивая архетип с вышедшими из него редакциями, – обнаружить судьбу памятника в зависимости от изменения вкусов и литературных интересов среды, в которых он вращался и подвергался новым обработкам”. В. Н. Перетц отмечает, что стеммы списков важны не только для восстановления первоначального вида памятника, “но и для установления его литературной истории, которая для историка русской литературы имеет *особо важное значение*”.

История текста произведения охватывает все вопросы изучения данного произведения. Только полное (или по возможности полное) изучение всех вопросов, связанных с произведением, может по-настоящему раскрыть нам историю текста произведения. Вместе с тем только история текста раскрывает нам произведение во всей его полноте. История

текста произведения есть изучение произведения в аспекте его истории. Это *исторический* взгляд на произведение, изучение его в динамике, а не в статике. Произведение немислимо вне его текста, а текст произведения не может быть изучен вне его истории. На основе истории текста произведений строится история творчества данного писателя и история текста произведения (устанавливается *историческая связь* между историями текстов отдельных произведений), а на основе истории текстов и истории творчества писателей строится история литературы. Само собой разумеется, что история литературы далеко не исчерпывается историями текстов отдельных произведений, но они существенны, особенно в литературе древнерусской.

История текста произведения не может сводиться к простой регистрации изменений. *Изменения текста должны быть объяснены*. При этом регистрация изменений текста и их объяснение – не два различных этапа исследования, а один взаимосвязанный ряд. Факты без их объяснения – не факты. Теоретически регистрация фактов должна, казалось бы, предшествовать их объяснению, но в практической работе текстолога регистрация и объяснение идут параллельно, так как увидеть факт часто бывает возможно только под определенным углом зрения, – в свете его объяснения. Всякий взгляд, открывающий факт, открывает его с определенной точки зрения. Факт отражения в тексте той или иной идеологии может быть вскрыт только тогда, когда мы уже в известных пределах знакомы с этой идеологией. Факт отражения в памятнике классовой борьбы может быть вскрыт только тогда, когда исследователь знаком с тем, что представляет собой классовая борьба на данном этапе исторического развития и т. д.

Изучая внешнюю сторону факта во всех ее деталях, мы готовим конкретное его объяснение, и оно будет тем конкретнее, чем детальнее зафиксирован факт, но, с другой стороны, само объяснение факта позволяет глубже заглянуть во все детали факта. Текстолог – следопыт. Он должен стремиться как можно детальнее видеть факт, принимая во внимание каждую мелочь в свете возможного ее объяснения. В текстологии вполне применимо правило всякой расследовательской деятельности “Чем бессмысленнее и смешнее инцидент, тем старательнее надо его исследовать. И то обстоятельство, которое кажется осложняющим дело, – иногда бросает на все яркое освещение, если его разобрать и обработать”.

Когда мы говорим об объяснении фактов изменения текста произведения, мы не должны предполагать, что существует узкотекстологическое объяснение этих фактов и что речь идет именно об этом узкотекстологическом объяснении. Объяснения берутся из всех областей науки, изучающей деятельность человека. Эти объяснения могут быть историческими, литературоведческими, психологическими, могут быть связанными с историей общественных идей и историей техники (техники письма, переплета, книгопечатания, распространения книг и пр.), с историей общественных формаций и историей искусств и т. д.

Исследование текстов памятников древнерусской литературы ясно показывает, что нельзя вести текстологическое изучение без отчетливого представления о литературной стороне памятника – о его жанре, стиле, идейной стороне, целях, для которых создавался памятник или его редакции, художественном методе его создателей и пр., и пр.

Само собой разумеется, что полное восстановление истории текста памятника, распространенного в свое время во многих списках, по большей части невозможно, поскольку нельзя быть уверенным, что нам известны все его списки и точно восстановлены все недошедшие до нас этапы его развития, но это не исключает необходимости в научном исследовании стремиться к восстановлению именно полной и конкретной истории памятника – как максимальной задачи текстолога.

Хорошо сформулированы были задачи текстолога, работающего над рукописями автора нового времени, С. М. Бонди в его статье “О чтении рукописей Пушкина” С. М. Бонди пишет, что главная задача текстолога “все понять в рукописи, осмыслить ее форму”. Работая над рукописями автора, мы “повторяем вслед за автором весь ход его работы, воспроизводим в своем сознании все варианты, придуманные автором (и отброшенные им), и именно в той последовательности, в которой они придумывались и отбрасыва-

лись, для нас становится яснее смысл всех его поправок, мы начинаем как бы изнутри видеть весь текст, понимая его в его становлении, и потому это понимание легко подсказывает нам и расшифровку вовсе неразборчивого слова, и простое и естественное заполнение недописанного второпях автором”. С.М. Бонди пишет применительно к черновикам Пушкина: “Задача текстолога, читающего рукопись, в том случае, если перед ним беловик, – просто прочесть его текст (или два текста, если беловик переправленный), если же черновик – то развернуть его во времени, найти последовательность в создании и уничтожении его текста и установить тот текст, на котором остановилась работа автора в данной рукописи”. “Последовательность работы текстолога должна быть такая сначала он должен установить историю создания текста на черновике, а затем уже на основании этой истории (поскольку ее возможно установить) прийти к последнему тексту и взять его за основной (если он законченный) или одну из более ранних стадий (законченную), если последние поправки в рукописи не доведены до конца”.

Таким образом, история текста произведения диктует нам выбор текста для издания. При этом мы можем заметить одно принципиально важное различие между выбором текста средневекового произведения и выбором текста автора нового времени, вернее – между произведением личностного творчества и произведением коллективного средневекового творчества. Если до нас дошли авторские рукописи и варианты произведения, – мы обязаны в первую очередь считаться с этими авторскими текстами, выбирать текст для издания среди них, предварительно изучив по возможности (в доступных исследователю пределах) историю авторского прижизненного текста. Если до нас (как это бывает в средние века) текст изменялся многими десятилетиями и столетиями, а авторский текст неизвестен, то мы обязаны выбирать текст среди многих древнейших и последующих, иногда предлагая читателям несколько текстов одновременно и первую редакцию (или то, что мы будем считать первой), и последующие. Причем первая редакция – не обязательно авторская, а архетип дошедших до нас редакций или одной какой-либо редакции – не обязательно “первый текст”. Все дошедшие до нас тексты средневекового произведения могут восходить к одному архетипу, но этот гипотетически восстанавливаемый текстологом архетип – не обязательно первый текст данной редакции, не обязательно авторский текст. Все списки могут восходить по разным причинам ко вторичному тексту, и его мы все же будем считать архетипом.

Даже установив наличие древнейших текстов, мы не всегда обязаны считать этот текст “лучшим”. Так, например, было с текстами Повестей о Николе Заразском. Повесть эта возникла где-то в конце XIII в., а затем изменялась и росла. Лучший свой вид эта повесть в результате коллективного творчества многих авторов приобрела на грани XIV и XV вв., когда в нее были включены и плач Ингваря Ингваревича, и рассказ о Евпатии Коловрате. Для широкого читателя следует издавать именно этот относительно поздний, дошедший до нас в рукописях XVI–XVII вв., а отнюдь не авторский вариант. Такого случая не бывает в новое время, с произведениями литературы XVIII–XIX вв. Однако в средние века бывают случаи, когда мы обязаны стремиться давать читателю именно авторские тексты (тексты Максима Грека, Ивана Грозного, Аввакума, Симеона Полоцкого и пр.), а не их переработки.

Задача текстолога заключается в том, чтобы по возможности во всех деталях воспроизвести ход работы автора над произведением, восстановить в воображении весь творческий процесс, весь ход его переработок. Эта сложная задача, выдвигаемая по отношению к текстологическим исследованиям произведений нового времени, становится еще более сложной по отношению к произведениям русского средневековья, где был не один автор произведения, где “творческий процесс”, в котором участвовали редакторы, переписчики и читатели, дополнявшие текст своими поправками, и который был осложнен случайными обстоятельствами (утратами и искажениями), длился иногда многие столетия. Текстолог, изучающий средневековые произведения, обязан с возможно большей конкретностью понять историю текста произведения, его редакции.

Основные критерии критики текста

Основными критериями критики являются: критерий подлинности, реально-исторический, идейно-художественный, критерий последней воли автора, творческой воли автора. Рассмотрим каждый из них поподробнее.

Подлинность текста, его аутентичность, достоверность определяется принадлежностью автора. Первое место занимает автограф. Но текст не застрахован от искажений и наслоений при его копиях, редактуре, цензорских вмешательствах, хотя авторизация делает его также подлинным.

Не всегда восстановление текста возможно. Нередко сам автор, обнаруживая искажения, переделывает текст, отказываясь от первоначального чтения по идейно-художественным причинам или не имея возможности его воспроизведения. Например, переписчик повести Л. Н. Толстого «Казаки» не разобрал слово «вянущую», и автор, не обращаясь к автографу, внес в копию менее точное, но утвердившееся в последующих изданиях: «Марьяна легла под арбой на примятую сочную траву». Это говорит о том, что надо обязательно обращаться к первоисточникам, чтобы создать правильную и точную копию произведения. В связи с этим Л. Д. Громова-Опульская писала: «Опыт текстологической работы над изданием Толстого подтвердил непререкаемость общего текстологического правила: если в результате вольной или невольной посторонней поправки или небрежности в последний авторизованный текст вкралась ошибка, искажающая смысл или стиль, ее необходимо исправить по автографу, копии или корректуре, передающим правильное, авторское написание».

Реально-исторический критерий, хотя и основан на принципе историзма, но, как и критерий подлинности текста, отвергает возможность предпочтения одной редакции другой: каждая из них равноправна и составляет часть общей истории. В этом и кроется ограниченность реально-исторического критерия, поскольку главной целью и текстологического исследования, и творческого устремления автора является все же само произведение, а его история - только путь к постижению и установлению единственного текста данного литературного произведения. Отмечу, что исторический подход обогащает критику текста точными данными об истории создания, движении текста и авторских публикациях.

Идейно-художественный критерий научной критики текста выявляет эстетические достоинства литературного шедевра и особенности творческой лаборатории автора; но и он не может быть единственным. В текстологической практике бывает, что в черновиках остается лучшее, как кажется исследователю, более художественное. В таких случаях опасна контаминация, произвольные переносы отрывков и соединение их. Вторгаться в сложившуюся судьбу текста и перекраивать его историю ученый не имеет права. Но выявить разночтения, объяснить отличия и обосновать их принципиальное или случайное происхождение, дать почву для размышлений эстетического свойства текстологу помогает идейно-художественный анализ истории текста.

Критерий последней авторской воли также связан с умением филологически анализировать текст. На него можно опираться только с учетом и глубоким анализом всех обстоятельств заявления автором своей воли, их творческого или нетворческого характера. Последний прижизненный текст может быть испорчен редактором, цензором или же самим автором. История литературы знает случаи, когда писатель, по разным причинам, существенно изменял текст, давно написанный, опубликованный и принятый критикой. К тому же автор очень редко обладает качеством корректора: погружаясь в идейно-художественную глубину своего творения, он не в состоянии считывать свой текст с оригиналом. Это сложные для текстологического решения задачи. В каждом отдельном случае требуются основательность подхода и точность исследования.

В критике текста главенствуют критерий творческой воли автора и принцип ее нерушимости. «Историко-литературный, художественный, филологический и всякий другой анализ служит лишь средством для правильного осуществления этого принципа, но отнюдь не для того, чтобы, ссылаясь на необходимость «правильно» воссоздать историю об-

шественных и философских идей или исходя из субъективных оценок художественных достоинств той или иной редакции, отвергать позднейшие авторские изменения и переделки текста». Историко-литературное понятие воли автора, естественно, отличается от юридического. Справедливо рассуждение, что «права текстолога почти несовместимы с обязанностями душеприказчика и в ряд случаев он вынужден нарушать «волю» автора». Необходимо критическое отношение исследователя к авторским изменениям, обусловленным переменами в мировоззрении писателя.

Таким образом, критика текста в основном сводится к двум моментам: 1) к *установлению подлинности* или подложности источника; 2) к *реконструкции*, в случае констатирования подлинности первоначального текста, искажённого переписками и переделками и дошедшего до нас в виде разрозненных и неполных фрагментов. Сводка этого анализа всех существующих вариантов данного текста и их отношений друг к другу называется «критическим аппаратом», который в настоящее время считается необходимой принадлежностью всякого научного критического издания литературных произведений.

Критика текста источника, признанного подлинным, в свою очередь состоит из двух последовательных моментов: 1) *диагноза* (то есть констатирования испорченности данного места текста), основой которого служит либо нарушение логического смысла, либо несоответствие архитектонике целого, показаниям других памятников или других частей того же памятника; 2) *конъектуры*, то есть составления проекта исправления текста, источником которого могут быть или косвенные указания в самом исследуемом памятнике и близких к нему, или же гадательное предположение, исходящее из общего толкования логического смысла памятника, исторических условий его возникновения, отношения к другим памятникам, его художественной структуры (например, ритм) и т. д. В последнем случае мы часто имеем дело с т. наз. «дивинаторской критикой» (от лат. *divinatio* – «способность угадывать»), когда сильно испорченный текст реконструируется по косвенным данным.

Методы установления подлинности текста

Принципы критики текста в русской науке были сформулированы еще А. Шлецером. Он называл ее «малой критикой», или «критикой слов». Перед критикой летописи Нестора А. Шлецер ставил такую конкретную задачу «Что Нестор писал действительно? Ему ли принадлежит такое-то слово (иногда такая-то буква), такая-то строка, такое-то целое место? или переписчик, по невежеству, нерадению или высокоумию, испортил это слово, вставил или выпустил эту строку, это место? – вот малая критика, или критика слов. Чтобы отыскать правильное чтение, по Шлецеру, надо оценивать отдельные места по «внутреннему достоинству», а чтобы открыть эти достойные места, надо сличать списки. А. Шлецер, первым выдвинувший принцип критического издания текста, писал: «Да не скажет никто, что я похитил себе честь быть первым издателем Нестора: я говорю только о критическом, ученом, искусном, истолкованном издании, которое могло бы представить сочинителя в его настоящем виде, очистив его от крупнейших описок, объяснить, где он темен, исправить, где ошибается».

Взгляды А. Шлецера были взглядами не его личными. Так смотрели на задачи изучения текста и за пределами России. Менялись отдельные приемы восстановления первоначального текста, постепенно отпали представления о переписчиках как о людях, только портивших текст по «невежеству» или «глупости», все более осознавалась необходимость не только «исправлять текст», но и изучать его историю, в частности для того же «исправления», но когда дело доходило до определения задач текстологии или критики текста – практическая задача издания текста заслоняла собой все остальные. Считалось, что изучение рукописей ограничивается «добыванием» текста памятника, наиболее близкого авторскому оригиналу (или «архетипу»), который должен быть положен в основу издания.

В известной мере то же определение задач текстологии, или иначе «критики текста», находим мы и у проникновенного исследователя текстов, от которого в значительной мере пошли новые современные методы в текстологии памятников нового времени, – Б. В. Томашевского: «Решение вопроса о подлинности и соответствии документа во всех частях

тому, что он передает, называется критикой текста. Реальные результаты критики текста – устранение погрешностей документа, а потому в узком смысле критикой текста называют разыскание и установление ошибок документа и восстановление в подлинном виде переданного документом ошибочно”.

Восстановление **“подлинного”** текста для его издания считают, в основном, целью изучения текста и западные филологи. Так, основные задачи текстологии были сформулированы Г. Посом следующим образом: “Вся наука критики текста состоит в том, чтобы из претендующего на подлинность текста реконструировать текст действительный, законный, подлинный”. Задачу критики текста в определении текста для издания видит и крупнейший знаток греческих рукописей А. Дэн: “Непосредственная цель изучения рукописей, – пишет А. Дэн, – издание текстов”.. Больше того, А. Дэн утверждает: “Весь прогресс филологической науки связан с проблемой издания текстов”, “Настоящий ценитель сокровищ наших библиотек – филолог – издатель текстов”.

Текстология в основном и у нас, и на Западе определялась как “система филологических приемов” к изданию памятников и как “прикладная филология”. Поскольку для издания текста важен был только “первоначальный”, “подлинный” текст, а все остальные этапы истории текста не представляли интереса, критика текста спешила перескочить через все этапы истории текста к тексту первоначальному, подлежащему изданию, и стремилась выработать различные “приемы”, механические способы “добывания” этого первоначального текста, рассматривая все остальные его этапы как ошибочные и неподлинные, не представляющие интереса для исследователя. Поэтому очень часто исследование текста подменялось его “исправлением”. Исследование велось в тех крайне недостаточных формах, которые необходимы были для “очищения” его от “ошибок”, от позднейших изменений. Если текстологу удавалось восстановить первоначальное чтение того или иного места, то остальное – история данного места, а иногда и текста в целом — его уже не интересовало. С этой точки зрения текстология действительно практически оказывалась не наукой, а системой приемов к добыванию первоначального текста для его издания. Текстолог пытался достигнуть того или иного результата, “добыть” тот или иной текст без внимательного изучения всей истории текста произведения как единого целого. Сперва издать – потом исследовать: таков, в основном, был принцип старого русского литературоведения XIX в.

Внимательно изучая общие тенденции, которые намечаются в текстологии за последние десятилетия, мы приходим к выводу, что текстология все более и более начинает рассматриваться как дисциплина, имеющая самостоятельные и очень крупные задачи. Эти задачи могут быть сформулированы следующим образом: текстология ставит себе целью изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на протяжении всего того времени, пока изменялся текст памятника.

Только путем полного изучения истории текста памятника как единого целого, а не путем эпизодической критики отдельных мест может быть достигнуто и восстановление первоначального авторского текста памятника.

Вместе с тем для советских литературоведов-текстологов и историков-археографов представляется несомненным, что нельзя изучать изменение текста памятника в отрыве от его содержания (понимаемого в самом широком смысле, в частности, политических тенденций, художественного замысла и т д), а содержание – в отрыве от всей исторической обстановки в целом. В результате границы текстологического изучения памятников чрезвычайно расширяются, и требования к текстологии возрастают в той же мере.

Подлинность рукописи определяется главным образом в результате применения приемов и процедур палеографического исследования, так как именно палеография исследует письменные памятники с внешней стороны с целью определения времени и места их возникновения.

Методы палеографического анализа рукописи

Палеографическая характеристика лингвистического источника заключается в общей характеристике материалов – пагинация, переплет, сохранность рукописей; характерные черты бумаги (формат, типы филиграней, цвет); характеристике разлиновки писчего материала и особенностей размещения текста, орудия письма, особенностей чернил, печати и т.д. Не менее важно при палеографическом анализе рукописи определить и охарактеризовать вид письма (устав, полуустав, скоропись).

Установление подлинности текста решается при помощи текстологического исследования памятника во всей совокупности сохранившихся его списков.

Такое исследование состоит из:

- прочтения,
- исправления,
- восстановления текста каждого списка,
- сопоставления списков с целью выяснения их взаимных генеалогических отношений (разделение на редакции и группы, построение генеалогической стеммы),
- выбора списков-представителей редакций и групп для дальнейшего научного исследования,
- реконструкции оригинала (в случае необходимости).

Не стоит забывать про:

- общую характеристику изменений текста;
- отыскание списков произведения;
- исследование текста в одном и нескольких списках;
- комплексное изучение истории текста (с учетом особенностей изучения текстов переводных произведений и особенностей изучения печатных текстов).

Далее производится лингвистическое комментирование языка рукописей при помощи методов и приемов археографического описания рукописных собраний, которое должно включать в себя характеристику следующего материала:

- наблюдений за лексическим составом рукописных текстов;
- грамматических наблюдений;
- правописания как фактора критики языка и текста рукописей (типы правописания);
- языковых различий в повторяющихся текстах;
- текстологических групп и языка рукописей.

На основании палеографического анализа, текстологического исследования и лингвистического комментирования языка памятника можно рассуждать о его подлинности (аутентичности), а также решать вопрос его атрибуции.

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУКОПИСНЫХ КНИГ РАЗНОВРЕМЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Палеография – вспомогательная историческая дисциплина, исследующая внешние признаки (приметы) рукописных и печатных источников в их историческом развитии. Термин «палеография» происходит от двух греческих слов: «палайос» – древний, «графо» – пишу.

Внешние признаки (приметы), изучаемые палеографией, включают: знаки письменности, особенности их графики, почерки, материал для письма, орудия письма, украшения, краски, чернила, водяные знаки, клейма, штампы, формат и переплет рукописей. Анализ внешних признаков помогает решить задачи палеографии: установить время, место, авторство, подлинность рукописей, выявить подделки. Датировка по палеографическим признакам порой приблизительна и может колебаться в радиусе от нескольких лет до столетия. Более точными являются палеографические выводы об авторстве, месте написания и под-

линности письменных источников. Для того чтобы научиться решать задачи палеографии, необходимо овладеть практическими навыками не только чтения рукописных источников, но и наблюдений за всеми палеографическими приметами в целом.

Палеография тесно связана с эпиграфикой, сфрагистикой, нумизматикой, хронологией, археографией, архивным делом, а также с источниковедением в целом, поскольку палеографические приемы дают материал для внешней критики источника.

Первоначальные приемы, которыми пользуется палеография при анализе внешних признаков рукописей, зародились на Руси, возможно, уже в раннефеодальный период в связи с чисто практическими целями: написать и оформить документ, отличить подлинник от подделки. Как отмечал Л. В. Черепнин, древние русские писцы в зачаточном виде применяли методы, которые много позже стали рассматриваться в соответствующей научной дисциплине. В XVI–XVII вв. в области практической палеографии делается шаг вперед: появились специальные руководства для писцов-рисовальщиков, занимающихся художественным оформлением рукописей, а также азбуки — прописи, в которых давались наиболее типичные варианты графики скорописных букв.

Переход от практической палеографии к палеографии как научной дисциплине связан с развитием русской историографии, выявлением и публикацией исторических источников. Работы историков XVIII в. В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Н. И. Новикова поставили на очередь дня вопрос о необходимости развития русской палеографии и наметили в общих чертах пути ее развития. В первой половине XIX в. Е. Болховитиновым, К. Ф. Калайдовичем, А. Х. Востоковым, П. М. Строевым и другими учеными была проведена большая работа по собиранию и изучению памятников письменности. Созданные в XIX в. Археографическая комиссия, Общество истории и древностей Российских при Московском императорском университете, Русское археологическое общество и другие научные организации внесли ценнейший вклад в дело публикации документов. Издание источников сопровождалось наблюдениями над начерком букв, материалом для письма, водяными знаками, украшениями и другими палеографическими приметами. В связи с этим, появляются первые палеографические описания рукописей (Е. Болховитинов, А. В. Горский, А. Х. Востоков), сборники палеографических снимков (П. И. Иванов, И. П. Сахаров), таблицы водяных знаков (И. П. Лаптев, К. Я. Тромонин), первые обобщенные графические таблицы. Во второй половине – последней четверти XIX в. наблюдается переход от собирания и описания отдельных палеографических признаков к обобщающим работам по палеографии. В вышедших во второй половине XIX – начале XX вв. трудах И. И. Срезневского, А. И. Соболевского, Е. Ф. Карского, И. А. Шляпкина, В. Н. Щепкина и других содержался интересный фактический материал и разрабатывались общие приемы палеографического исследования рукописей. Палеографы XIX – начала XX вв. оставили большое наследие. Но многие их работы в целом характеризовались формальным рассмотрением внешних признаков источников вне их связи с историческими явлениями и даже с содержанием документа.

Современная палеография характеризуется новыми методологическими подходами. Основным моментом методологического порядка явилось все большее проникновение историзма в область палеографии. Это значит, что палеографические выводы все больше помогают не только в решении вопросов внешней критики источников, но и в получении выводов, связанных с социально-экономической, политической и культурной историей.

Усовершенствовались старые и появились новые методы и технические приемы (например, используются оптико-фотографические методы для прочтения угасших текстов, бетарадиографический метод для прочтения водяных знаков). Вышли работы, способствующие более углубленному изучению отдельных разделов палеографии: миниатюр, орнамента, бумажных водяных знаков, штемпелей, клейм, графики отдельных типов письма, берестяных грамот. Глубокий исторический подход положен в основу работы Л. В. Черепнина "Русская палеография", вышедшей в 1956 г. Показ эволюции письма и других внешних признаков письменных источников дается на фоне исторической периодизации, в тесной связи с экономическим, политическим и культурным развитием страны.

Хронологические рамки палеографии расширились. Сделаны попытки дать теоретические установки, касающиеся палеографического анализа рукописей второй половины XIX – начала XX вв. Подчеркивается особое значение для данного периода палеографических наблюдений над индивидуальным почерком. Выделены признаки документов XX в., которые могут быть объектом изучения палеографии: почерки, материал для письма, машинописные тексты.

Уровень социально-экономического и культурного развития в любую эпоху накладывает свой отпечаток на состояние письменности, определяет ее особенности и как бы «увязывает» между собой внешние признаки рукописей, служащие объектом изучения палеографии. Это дает основание рассматривать палеографические признаки источников и методику их изучения в тесной связи с общепринятой периодизацией отечественной истории. В основе палеографического метода лежат наблюдения над совокупностью палеографических признаков (графикой букв, материалом для письма, украшениями, орудиями письма и др.) и выявление их соответствия друг другу для определенного периода времени. Большое значение для овладения навыками чтения палеографических текстов и анализа особенностей их письма имеет издание пособий, содержащих образцы рукописной графики.

Неоднозначно решается вопрос о хронологических рамках палеографии. С.А. Рейсер раздвигает рамки палеографии до XX в. и в качестве орудий письма, в частности, рассматривает не только перо, карандаш, но и печатную машинку. Л. П. Жуковская крайней границей палеографии признает первую четверть XIX в., так как с этого времени выходит из оборота бумага с филигранями. Действительно, до первой четверти XIX в. большая часть русской бумаги была с водяными знаками, но нельзя сказать, что со второй четверти XIX в. на всей бумаге российского производства отсутствуют филигранные: «Выпуск бумаги с водяными знаками постепенно сокращался и почти полностью прекратился к 1900 году, сохранившись на отдельных предприятиях, выпускавших специальные сорта бумаги ручного отлива в весьма ограниченных количествах». С другой стороны, с 1817 г. на русской бумаге стал выдавливать специальный фабричный знак слепого тиснения – штемпель, который с 30-х гг. XIX в. получает большое распространение.

По палеографическим признакам в зависимости от их обильности и характерности можно говорить о времени написания памятника иногда лишь в пределах двадцатипятилетия, а то и полустолетия или даже целого столетия. Если палеографических признаков оказывается недостаточно для точного определения времени появления письменных памятников, то место их возникновения поддается уточнению еще с большим трудом. Территориальные признаки не так многочисленны и безошибочны, как признаки хронологические, и изучены они значительно слабее. При определении места написания рукописи в палеографии часто используются данные языка, анализируются особенности различных говоров и диалектов, которые сравнительно с графическими показателями представляются более устойчивыми.

Профессор В. Н. Щепкин отмечал, что при наблюдении и анализе различных «примет» памятника письменности (графических и иных) палеограф устанавливает, что эти «приметы» или подтверждают друг друга, ограничивают друг друга, или же противоречат друг другу.

Например, в Древней Руси документы писались на пергамене и уставом. Потребности экономического, политического и культурного развития середины XIV – конца XV вв. отразились на состоянии письменности и внешних признаках рукописных источников: медленное уставное письмо в делопроизводстве заменилось более ускоренным типом письма – полууставом, а пергамен как дорогой и дефицитный материал, который не был в состоянии удовлетворить возраставшие нужды делопроизводства, постепенно вытеснился бумагой. Развитию Русского государства XV–XVII вв. соответствовал более высокий уровень развития производительных сил и централизации. В этот период ведущим типом делового письма становится скоропись, а материалом для письма – бумага. Такую же эволюцию претерпевают и другие признаки рукописных источников, в том числе украшения,

особенности которых зависят от внутренних условий культурного развития, интенсивности внешнеполитических связей, а следовательно, и взаимовлияния культур.

Таким образом, каждому историческому периоду соответствовала совокупность определенных палеографических признаков. Несоответствие некоторых признаков «своей» эпохе является свидетельством копии или даже подделки рукописи. Например, фиолетовыми чернилами и стальным пером не могут быть написаны подлинники конца XVIII в., хотя все остальные признаки (тип письма, водяные знаки бумаги) совпадут с концом XVIII в. Источник не может считаться оригиналом, если он датирован XVI в., но при этом написан на гербовой бумаге XVIII в. и стальным пером, которое появилось в России в 30-х гг. XIX в.

СТИЛИ (ТИПЫ) КИРИЛЛИЧЕСКОГО ПИСЬМА (УСТАВ, ПОЛУУСТАВ, СКОРОПИСЬ)

Письменные памятники XI–XVIII вв. написаны тремя типами письма – *уставом*, *полууставом* и *скорописью*. Имея в основе буквы кириллической азбуки, типы письма непрерывно эволюционировали, и поэтому каждый из них отличается присущей ему графикой букв, расположением последних как в строке, так и за ее пределами, способами выделения слов. Самым ранним типом кириллического письма является *устав*, который в течение периода своего функционирования не был неизменным. Принято различать ранний устав (XI–XII вв.) и поздний (XIII–XIV вв.). С появлением полуустава и скорописи уставное письмо употреблялось до конца XIX в. в основном в церковных памятниках. Характерными особенностями графики букв XI–XII вв. являются их, как правило, строгая вертикальность к строке и стремление сначала к квадратной, а затем к прямоугольной форме. Буквы не соединялись и стояли друг от друга почти на равном расстоянии, писались тщательно и в основном в пределах двух параллельных линий (верхней и нижней). Текст не делился на слова и предложения, а буквы своим общим видом напоминали печатный шрифт. Заглавные (прописные) буквы употреблялись в начале всего текста или глав рукописи. В уставных (а затем и полууставных) памятниках начало всего текста или отдельных его частей отмечали большими украшенными буквами – инициалами. Являясь одновременно элементами письма и элементами украшения, инициалы были тесно связаны с графикой и содержанием текста рукописи. Они были разнообразны по своему рисунку – в виде животных и людей, переплетенных ремней и жгутов, стилизованных цветов и растений.

Графика некоторых букв раннего устава не всегда была одинакова. Славист, языковед, палеограф и историк древнерусского искусства В.Н. Щепкин отмечал, что наиболее существенные изменения в уставе XI–XII вв. претерпели три буквы – *ять*, *омега* и *пси*. Буква *ять* в XI в. не выходила своей мачтой за пределы строки, а в XII в. верхняя ее часть, как правило, возвышалась над строкой. Буква *омега* в XI в. имела высокую середину, доходившую до верхней строки. В XII в. середина буквы стала более низкой. Букву *пси* в XI в. часто писали в виде креста, а в XII в. – в виде цветка лилии. С XIII в. графика уставных букв постепенно теряет свою строгую симметричность и геометричность. Буквы начинают выходить за пределы верхней и нижней строк. Нижние части букв, особенно таких как В, Ж, К, нередко становятся больше верхних. В буквах Н, И перекладина (соединительная прямая или косая линия) поднимается вверх. Появляются варианты начертания отдельных букв.

Инициалы писали киноварью, которая дополнялась голубой, желтой, зеленой красками. Иногда использовалось золото.

ГНІСЕХЕСПЕБННПОМНОУННА.
 ТА ПРНДБТЕПОКЛОНИМЪСА.Г.
 ШДЫ ТА. ПЛМЪ. АДВЪ. А.

ЛЖПЪМОУЖЫНЖЕНЕНДЕ
 ПАСВБТЪНЕУТНВЫХЪ
 И НАПОУТИГРБШНЫХЪ

Г(осподи)и І(су)се Х(ри)с(т)е с(ы)не Б(ож)ни, помилоуи нас. Таж прндѣте поклонимъса 3-шды. Таж пс(а)л(о)мъ Д(а)в(и)д(о)въ 1. Бл(а)ж(е)нь моужь иже не иде на свѣтъ нечтивыхъ и на поути грѣшныхъ.

Псалтырь 1296 г.

	XI в.	XII в.	XIII в.		XI в.	XII в.	XIII в.
А	ААААаа	аАаааааа	аАаааааа	ОУ	УУУУоу	ууууоу	ууууоу
Б	ББББб	ББББб	ББББб	Ф	ФФФФф	ФФФФф	ФФФФф
В	ВВВВв	ВВВВв	ВВВВв	Х	ХХХХх	ХХХХх	ХХХХх
Г	ГГГ	ГГГГ	ГГГГ	Ѡ	ѠѠѠѠ	ѠѠѠѠ	ѠѠѠѠ
Д	ДДАДА	ДАДАДА	ДАДАДА	Ц	ЦЦЦЦц	ЦЦЦЦц	ЦЦЦЦц
Е	ЕЕЕЕе	ЕЕЕЕе	ЕЕЕЕе	Ч	ЧЧЧЧч	ЧЧЧЧч	ЧЧЧЧч
Ж	ЖЖЖЖж	ЖЖЖЖж	ЖЖЖЖж	Ш	ШШШШш	ШШШШш	ШШШШш
З	ЗЗЗЗз	ЗЗЗЗз	ЗЗЗЗз	Щ	ЩЩЩЩщ	ЩЩЩЩщ	ЩЩЩЩщ
И	ИИИИи	ИИИИи	ИИИИи	Ъ	ЪЪЪЪъ	ЪЪЪЪъ	ЪЪЪЪъ
І	ІІІ	ІІІ	ІІІ	Ы	ЫЫЫЫы	ЫЫЫЫы	ЫЫЫЫы
К	ККККк	ККККк	ККККк	Ь	ЬЬЬЬь	ЬЬЬЬь	ЬЬЬЬь
Л	ЛЛЛЛл	ЛЛЛЛл	ЛЛЛЛл	Ѣ	ѢѢѢѢѣ	ѢѢѢѢѣ	ѢѢѢѢѣ
М	ММММм	ММММм	ММММм	Ю	ЮЮЮЮю	ЮЮЮЮю	ЮЮЮЮю
Н	ННННн	ННННн	ННННн	ІА	ІАІАіа	ІАІАіа	ІАІАіа
О	ООО	О	О	ІЕ	ІЕІЕіе	ІЕІЕіе	ІЕІЕіе
П	ППППп	ППППп	ППППп	Ѧ	ѦѦѦѦѧ	ѦѦѦѦѧ	ѦѦѦѦѧ
Р	РРРРРРр	РРРРРРр	РРРРРРр	Ѩ	ѨѨѨѨѩ	ѨѨѨѨѩ	ѨѨѨѨѩ
С	ССССС	ССССС	ССССС	Ѫ	ѪѪѪѪѫ	ѪѪѪѪѫ	ѪѪѪѪѫ
Т	ТТТТт	ТТТТт	ТТТТт	Ѭ	ѬѬѬѬѭ	ѬѬѬѬѭ	ѬѬѬѬѭ
				Ѯ	ѮѮѮѮѯ	ѮѮѮѮѯ	ѮѮѮѮѯ
				Ѱ	ѰѰѰѰѱ	ѰѰѰѰѱ	ѰѰѰѰѱ
				Ѳ	ѲѲѲѲѳ	ѲѲѲѲѳ	ѲѲѲѲѳ
				Ѵ	ѴѴѴѴѵ	ѴѴѴѴѵ	ѴѴѴѴѵ

Устав.

Все эти новые явления в графике букв в меньшей степени затронули литургические письменные памятники, в течение длительного времени сохранявшие графику раннего устава.

Знаков препинания в уставном письме не было, однако отдельные смысловые фрагменты (предложения или слова) могли выделяться точками или комбинацией нескольких точек, которые ставились внизу и на середине строки – ..., :, . . ., : и т. д., а иногда, как в Остромировом евангелии (1056-1057), точка заменялась крестом – .

Сокращенно написанные слова в уставе употреблялись редко, причем от других слов они отличались особым знаком – титлом, который ставился над ними. Сокращения бывали двух видов: простые (снѣ – сын) и буквенные (– месяц). В последнем случае выносная буква (буква над строкой) обычно обозначала согласный звук, а титло писали в виде дужки.

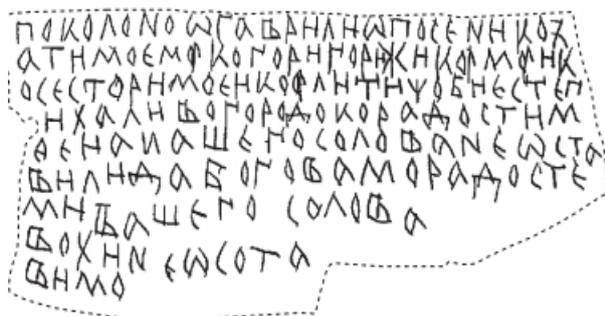
Эволюция устава, связанная прежде всего с расширением сферы применения письменности, особенно в делопроизводстве, привела к появлению на рубеже XIV–XV вв. новых типов письма – *полуустава* и *скорописи*, которые на начальном этапе своего развития были еще достаточно близки к уставу. От устава *полуустав* отличается большей быстротой письма, а от *скорописи* – большей четкостью. В полууставе буквы мельче и отстоят друг от друга не на одинаковом расстоянии, к тому же они писались не столь тщательно и нередко с легким наклоном. В полууставном письме нарушаются геометричность и пропорциональность графики букв, а прямые линии допускают некоторую кривизну. Вместо углов (например, в буквах В, Ж, З, Ъ) появляются закругления, вместо округленности (например в буквах Е, С, М, О, Р, Ч) – часто угловатость. Особенностью графики полуустава является также увеличение вариантности написания букв. В одной и той же рукописи (или строке) писец мог употребить разные варианты написания буквы для передачи одного звука.

А	а а а а а а а а а а а а	а а а а а а а а а а а а	Ф	ф ф ф ф ф ф ф ф ф ф ф ф	ф ф ф ф ф ф ф ф ф ф ф ф
Б	б б б б б б б б б б б б	б б б б б б б б б б б б	Х	х х х х х х х х х х х х	х х х х х х х х х х х х
В	в в в в в в в в в в в в	в в в в в в в в в в в в	Ѡ	Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ	Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ
Г	г г г г г г г г г г г г	г г г г г г г г г г г г	Ц	ц ц ц ц ц ц ц ц ц ц ц ц	ц ц ц ц ц ц ц ц ц ц ц ц
Д	д д д д д д д д д д д д	д д д д д д д д д д д д	Ч	ч ч ч ч ч ч ч ч ч ч ч ч	ч ч ч ч ч ч ч ч ч ч ч ч
Е	е е е е е е е е е е е е	е е е е е е е е е е е е	Ш	ш ш ш ш ш ш ш ш ш ш ш ш	ш ш
Ж	ж ж ж ж ж ж ж ж ж ж ж ж	ж ж ж ж ж ж ж ж ж ж ж ж	Щ	щ щ щ щ щ щ щ щ щ щ щ щ	щ щ щ
З	з з з з з з з з з з з з	з з з з з з з з з з з з	Ъ	ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ	ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ ъ
И	и и и и и и и и и и и и	и и	Ы	ы ы ы ы ы ы ы ы ы ы ы	ы ы ы ы ы ы ы ы ы ы ы
І	і і і і і і і і і і і і	і і	Ь	ь ь ь ь ь ь ь ь ь ь ь	ь ь ь ь ь ь ь ь ь ь ь
К	к к к к к к к к к к к к	к к к к к к к к к к к к	Ѣ	Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ	Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ
Л	л л л л л л л л л л л л	л л л л л л л л л л л л	Ю	ю ю ю ю ю ю ю ю ю ю ю ю	ю ю ю ю ю ю ю ю ю ю ю ю
М	м м м м м м м м м м м м	м м м м м м м м м м м м	Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
Н	н н н н н н н н н н н н	н н н н н н н н н н н н	Ѩ	Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ	Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ
О	о о о о о о о о о о о о	о о о	Ѫ	Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ	Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ
П	п п п п п п п п п п п п	п п п п п п п п п п п п	Ѭ	Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ	Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ
Р	р р р р р р р р р р р р	р р р р р р р р р р р р	Ѯ	Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ	Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ
С	с с с с с с с с с с с с	с с с с с с с с с с с с	Ѱ	Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ	Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ Ѱ
Т	т т т т т т т т т т т т	т т т т т т т т т т т т	Ѳ	Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ	Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ Ѳ
Ѡѡ	Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ	Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ	Ѵ	Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ	Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ Ѵ

Полуустав.

В письменности Древней Руси помимо пергамента как материала для письма использовали бересту. Первая берестяная грамота была найдена 26 июля 1951 г. в Новгороде во время археологических раскопок, руководимых А.В. Арциховским (1902-1978). К настоя-

шему времени открыто более тысячи грамот на бересте в одиннадцати древнерусских городах. Дошедшие до нас берестяные тексты относятся к XI-XV вв., и большинство из них – это частные письма. Остальную часть составляют деловые документы (рядные, завещания), ученические упражнения, отрывки из церковных текстов. Графика берестяных грамот имеет свои особенности, обусловленные материалом, орудием письма, а также тем, что на бересте писали, как правило, не профессиональные писцы, а грамотные люди города, монастырей, деревни. Поэтому буквы, написанные, а точнее выдавленные костяной (или металлической) палочкой – стилосом, сохраняя геометричность, не всегда писались прямо и в пределах строки. Петли букв были заострены, а линии строк, как правило, не горизонтальны.

Поколоно в Гаврили в Посени ко зати моему ко Горигори жи коумоу и ко сестори моеи ко Оулити. Чо би есте понхали во городо ко радости моеи, а нашего солова не встави. Да Бого вамо радости. Ми вашего солова вохи не вставимо.

Грамота №497. Не ранее 40-х годов XIV в.
Арицховский А.В., В.Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978. С. 90–91.

В конце XIV – первой половине XV вв. активизируются культурные контакты Руси с Балканским полуостровом. Результатом стали серьезные изменения в древнерусской культуре и, прежде всего, в письменности. Эти изменения в науке принято обобщенно называть Вторым южнославянским влиянием по аналогии с тем процессом, когда возникшее на Балканах славянское письмо и развившаяся там книжность впервые пришли на принявшую Крещение Русь. В области письменной культуры Второе южнославянское влияние выразилось в двух, тесно связанных друг с другом, но не тождественных процессах: в привнесении на русскую почву новых графико-орфографических и графических явлений и в заимствованиях в области стилистики письма.

Графико-орфографические изменения были связаны с реформой славянской орфографии, которую провел Болгарский патриарх Евфимий в последней четверти XIV в. Эта реформа закрепила ряд графических и орфографических новшеств в письме, возникших в середине XIV в. в славянских монастырях Афона под греческим влиянием.

Исследователями-палеографами (А.И. Соболевским, В.Н. Щепкиным, М.Г. Гальченко и другими) выделены и описаны важнейшие графико-орфографические особенности, появившиеся в русском письме XV в. в результате Второго южнославянского влияния:

1. Расширение числа графем используемых при письме:

- **З** (зело) для обозначения звука [з] (ранее использовалась для буквенного обозначения цифры 6);
- **З** (земля) для обозначения того же звука [з];
- **Ж** (юс большой) для обозначения звука [у] (встречается относительного редко);
- **Ф** (фита) для обозначения звука [ф] в заимствованных из греческого словах (ранее употреблялась за редкими исключениями для буквенного обозначения цифры 9);
- **К** (кси) для обозначения звука [к] в заимствованных из греческого словах (ранее употреблялась за редкими исключениями для буквенного обозначения числа 60);
- **И** (ижица) для обозначения звука [и] в заимствованных из греческого словах;
- вошел в употребление ряд специфических графем для обозначения звука «о» в начале слов Око, оба, окрест и т.д.

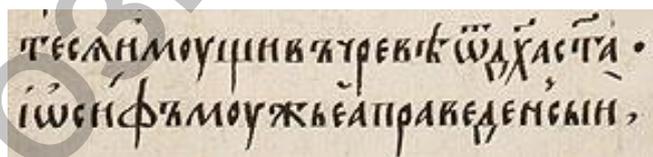
2. Установился ряд новых орфографических правил:

- перед всеми гласными стали писать \ddot{I} вместо **И**, за счет чего стало возможным избегать монотонного сочетания **ИИ**;
- замена правила, по которому в начале слога и после гласных писалось ou , а в середине и после согласных – y на правило, по которому всюду писалось или лигатура 8 (норма для древнерусских рукописных книг XI–XII вв.);
- после плавных согласных вместо **О** и **Е** стали использоваться **Ъ** и **Ь**, причем последний стал употребляться как вариант первого (например, **ВЪАНА** или **БЪАНА** вместо **ВОАНА**);
- вместо **И** и **А** после гласной для обозначения звука [я] зачастую стало употребляться **А**, что приводило к написаниям типа **отъ магдаля**;
- в ряде случаев, производилась замена **ю** на ou или 8 , что приводило к написаниям типа **къ послушаніюу**;
- восстановление написаний с сочетанием **жѣ** (норма для древнерусских рукописных книг XI–XII вв.), например **небѣжа** вместо **небѣжа**;

Что касается изменений в стилистике письма в результате Второго южнославянского влияния, то они были связаны с эволюцией болгарского и сербского книжного письма в XIV в., когда уставное письмо приобрело более свободные формы, переходя от строгой геометричности к изящным изгибам и заимствуя из уже сложившейся к тому времени в южнославянской письменности скорописи, ряда новых начертаний.

В течение первой половины XVI в., в Московском государстве, вероятно, на базе почерков четых книг предшествующего периода складывается определенная общность полууставных почерков, которую в научной литературе за частую называют московский полуустав, понимая под этим полууставное письмо, характеризующееся средними размерами букв, заостренными начертаниями, наличием наклона в письме.

Есть основания полагать то, что именно московский полуустав стал основой для первых русских печатных шрифтов середины XVI в.

XVI в. Четвероевангелие Кур-Бел.

Если в XV в. полуустав на Руси был как книжным, так и актовым письмом, то в XVI в. он почти полностью покидает область актовых документов, оставляя её сформировавшейся к тому времени скорописи. В XVII в., полуустав постепенно вытесняется на периферию культурной жизни вместе с самой рукописной книгой. Отсюда возникает, замеченная В.Н. Щепкиным тенденция к простоте и отказу от эстетизации в полууставном письме XVII в.

Древнерусская скоропись – это самый поздний по времени возникновения, но одновременно и самый национально самобытный тип письма Допетровской Руси. Применительно к скорописи вплоть до последних этапов её развития в пространстве древнерусской письменной культуры мы менее всего можем говорить о каких-либо внешних влияниях и заимствованиях. Принципиальным отличием скорописи от устава и полуустава стал отказ от регулярности и геометричности в начертаниях букв и в построении текста в целом.

Начало становления русской скорописи, по всей видимости, следует относить к концу XIV в. – XV в., когда в письме актов и грамот возникают и распространяются беглые нерегулярные полууставные «почерки», в которых, в разной степени начинают проявляться черты, которые в дальнейшем, сформируют облик скорописи.

К XVI в. скоропись сложилась как самостоятельный обособленный от других тип древнерусского письма. Развитие скорописи в XVI–XVII вв. идет по пути все более яркого проявления ее своеобразия по отношению к другим типам древнерусского письма, достигая апогея в XVII в. Это своеобразие состоит в следующих основных чертах:

1. *Широкое использование начертаний, где доминируют криволинейные несимметричные элементы.*

Эти начертания, за частую, выносятся далеко за линию строки (в междустрочную область или на поля) и могут иметь вид декоративных росчерков («А» и «Д» в таб.1). Использование начертаний увеличенного формата, в том числе, по середине слов. («К» в таб. 1): По сравнению с полууставом, заметно увеличение количества вариантов написания письменных знаков в рамках одного почерка, в особенности, в памятниках развитой каллиграфической скорописи XVII в. (таб. 2).

	ОСАГ оп. I.№78 (1484 – 1488 гг.)	Стоглав Эрм.58 (1560 – 1570 гг.)	Духовная грамота Собр. Зинченко. №191 (1611 г.)		ОСАГ оп. I.№78 (1484 – 1488 гг.)	Стоглав Эрм.58 (1560 – 1570 гг.)	Духовная грамота Собр. Зинченко. №191 (1611 г.)
А				И			
В				К			
Д				М			
Е				Н			
Ж				Р			
З				Юс малый			

Таблица 1.

А							
В							
Д							

Таблица 2.

	Стоглав Эрм.58 (1560-е – 1570-е гг.)	Жалованная грамота ОСАГ №104 (1534 г.)	Жалованная грамота Собр. Зинченко. №191 (1611 г.)	Жалованная грамота ОСАГ оп. II. №1082 (1657 – 1659 гг.)	Чиновник Патриарха Иоакима. Соф.154 (1675 г.)
Б					
Д					
Ж					
З					
И					
К					
Л					
М					
Н					
Р					
Т					
Х					

Таблица 3.

2. Особое значение в графике письма надстрочных начертаний.

Эта черта проявляется в следующем:

1. Постепенно увеличивается число случаев, когда надстрочные начертания пишутся без титла (таб.3). С XV в. появляются надстрочные начертания без титла букв «д», «ж», «з», «м». «т», «х», с XVI в. к ним добавляются «б», «и», «к», «л», «н», «р», с XVII – надстрочное написание любой буквы может исполняться без титла.

2. Зачастую над строкой выносятся часть слова, а не отдельная буква.

3. Выносные буквы в скорописи как правило равны по размеру строчным, или даже превосходят их.

3. Систематическое использование лигатурных (связных) и вензельных (перекрестных) начертаний.

В скорописном письме XVI в. связные начертания используются часто, но все еще спорадически. В XVII в., в особенности, в наиболее каллиграфичных «почерках», связные начертания зачастую преобладают. При этом, отсутствует какая-либо жесткая регламентация, определяющая такие начертания: соединяться могут как строчные буквы между собой, так и строчные с надстрочными.

В XVI–XVII веках областью применения скорописи является как актовое письмо, так и книжное. Для древнерусской скорописи XVII в. характерны высокохудожественные образцы письма, представляющие собой настоящие памятники каллиграфического искусства. Таким высшими художественными проявлениями скорописи, раскрывающими весь её богатый изобразительный потенциал, являются азбуки-свитки и роскошные царские грамоты.

Начиная с середины XVII в. Московское государство испытывает сильнейшее влияние западнорусской культуры, одним из проявлений которого стало появление почерков, формировавшихся под воздействием так называемой «киевской скорописи», развитие и распространение которой связано с деятельностью Киевской школы при Богоявленском братстве. В первой четверти XVII в. этот учебный центр приняла программу католических школ. Сформировавшаяся в Киевской школе разновидность письма приобрела черты, свой-

ственные курсивному латинскому письму: значительную степень связности строчных букв, круглящиеся безотрывные начертания, в том числе, и прямо заимствованные из латинского письма. Показательно, что почерки, приближающиеся по характеру к киевской скорописи и обозначающие собой последний этап в истории развития древнерусской скорописи, принадлежат передовой части элиты Московского государства конца XVII – начала XVIII в. Ярким примером письма представителей этой среды, может служить почерк русского дипломата эпохи царевны Софьи, а впоследствии одного из ближайших сподвижников Петра I Фёдора Алексеевича Головина.

История древнерусской скорописи завершается в первой половине XVIII в., когда начинается процесс глубокой вестернизацией всей культурной жизни Русского государства. Эти явления нашли свое отражение и в развитии письма: сформировалась разновидность скорописи, которую один из крупнейших исследователей истории русского шрифта – А.Г. Шницгал, предложил называть «гражданской скорописью» (что позволяет отделить её от скорописи древнерусской). Гражданская скоропись характеризуется упрощенными закругленными начертаниями, исчезают надстрочные знаки, сокращается вариативность начертаний.

В дальнейшем на протяжении всего XVIII в. гражданская скоропись (в особенности её парадная форма – письмо прошений, подносных экземпляров научных и литературных произведений и т.п.) будет испытывать сильное влияние западноевропейского английского курсива, переходя к нач. 2-й четв. XIX в. в русское скорописное письмо современного типа.

ВЯЗЬ

Начиная с конца XIV в. для украшения рукописей русские книжники стали использовать особое декоративное письмо – вязь. **Вязь** – тип древнего декоративного кириллического письма, в котором буквы сближаются или соединяются одна с другой и связываются в непрерывный и равномерный орнамент. Эта связь получается при использовании различного рода сокращений и украшений. Вязь встречается в рукописях, на фресках, иконах, колоколах, на металлических и шитых вещах, на надгробных памятниках. Содержание вязи составляют молитва, изречение, памятная надпись, название древнего памятника; последнее – в рукописях обычный случай.

Вязь имеет двойную суть: графическую и декоративную. Прямой задачей вязи как письма является рациональное размещение текста в предназначенном для него пространстве с применением различных способов компактного расположения букв. То есть место для нее заранее отмерено декоративными рамками, а размеры надписи определены ее составом. Задача,

таким образом, всегда заключается в том, чтобы определенное число букв красиво вместить в определенном пространстве. Если число букв значимое, а пространство малое, каллиграф прибегает к сокращению, в противном случае он маскирует пустоты различными украшениями. Украшения необходимы еще и в том случае, если буквы по свойствам своего

написания оставляют неустранимые пробелы вверху, внизу или в середине строки. Но могут быть строчки вязи, которые, не помещая ни существенных сокращений, ни существенных украшений, все-таки подходят под понятие вязи.

Вязь как средство художественного оформления текста должна быть оформлена в едином художественном стиле произведения. Различные технические приемы вязи как в виде сокращений, так и в виде украшений возникали неодновременно и на разных территориях, и поэтому они содержат палеографические признаки. В зависимости от материала и назначения украшенных ею предметов вязь подразделяется на разряды, которые должны изучаться палеографом отдельно, так как при сходстве общих путей развития одни и те же перемены в разных разрядах вязи не совпадают хронологически. Так, например, вязь металлической посуды в своем развитии опережает вязь рукописную, а вязь старопечатная несколько отстает от нее.

Различают вязь простую, сложную и узорную. Обычными приёмами при работе вязью являются:

1. Лигатура: соединение двух или нескольких букв, имеющих общую (слившуюся) часть;
2. Уменьшение отдельных букв и распределение их в промежутках между увеличенными буквами;
3. Подчинение: написание малой буквы под какой-либо частью или между штрихами большой;
4. Соподчинение: написание двух или нескольких уменьшенных, одна под другой;
5. Сокращение частей букв в целях сближения их друг с другом.

Приёмы вязи в значительной части были известны в Византии и у южнославянских народов, но особенно широкое применение они нашли в русской письменности. Однако система вязи сложилась у византийцев позже основания славянской письменности, и поэтому в её древнем периоде вязь отсутствует: у южных славян первые точно датированные памятники вязи относятся к первой половине XIII в., в восточных-до конца XIV в.

Орнаментальная вязь сложилась в Византии ещё в середине XI века, изначально представляя собой легко читаемое письмо, хоть и довольно широкое, но с несложными техническими приёмами, сильно напоминавшее обычную византийскую письменность.

Как орнамент вязь развивается с соблюдением геометрического или природного принципов в конструировании букв - определение их высоты, ширины, толщины начертаний, гибкости линий, а также использование для упоминавшихся декоративных усложнений ломаных петель и в замене косых линий вертикальными. Украшением текста могут служить узелки, усики и тому подобное.

Доминирование и отсутствие баланса между орнаментальным и графическим принципами может привести к уменьшению как коммуникативного, так и декоративного значения надписи.

Вязь на произведениях живописи почти не знала дополнительных украшений - веточек, листочков, усиков бабочек и тому подобных, но даже в условиях, когда количество и разнообразие надписей на таких произведениях постепенно увеличивались, графически обогащались строки и другие способы использования вязи (инициалы, отдельные гибкие буквы), она всё также представляла из себя композиционную целостность.

Основой для написания вязью были сокращения. Основные типы сокращений:

1. Сокращались вертикальные элементы букв, для того чтобы расположить буквы ближе друг к другу. Значительно уменьшаются размеры букв, при этом элемент второй буквы тоже может сокращаться.
2. Если две соседние буквы уменьшены в два раза и пишутся одна под другой.
3. Лигатура, образующаяся на основе совпадения мачт – вертикальных элементов букв.
4. Когда сами мачты сокращаются, разделяются.
5. Лигатура, объединяющая мачту одной буквы и полумачту другой, мачта продолжается.
6. Лигатура, которая основана на совпадении полумачт.
7. Лигатуры, образующиеся путем совпадения дугообразных элементов.
8. Лигатуры, совпадающие петлями.
9. Лигатуры, образованные совпадением букв в одной точке.
10. Псевдо-лигатуры, когда соседние буквы специально соединяются каким-то штрихом, который не является элементом ни одной лигатуры.

Сокращения византийской вязи – лигатура (обычно мачта + мачта); подчинение одних букв другим; соподчинение двух букв; включение одной буквы в другую; совпадение в точке (не в линии), а равно различные комбинации тех же приемов. Кроме того, известные слова (главные религиозные понятия) писались сокращенно под горизонтальной титлой.

Вязью пользовались в целях сокращения письма при недостатке места (запись 1512 по кайме шитой пелены Рязанского музея), ею писались изредка даже целые рукописи (напр. Кодекс Чудовского собрания. № 13).

В самой Византии до X в. заглавные строчки рукописей графически мало отличаются от текста, они пишутся иногда другим почерком (уставом в скорописном памятнике), иногда несколько крупнее текста, либо пишутся малиновой краской, часто они по письму ничем не отличаются от текста, но этаж букв слева направо сквозь помазанный (покрытые с кисти) прозрачной зеленой или желтой краской.

Украшение орнаментальными элементами служило для заполнения пустот, характерных для кириллической письменности. Для письма чаще всего использовалась краска выделяющегося цвета, обычно красная, получаемая из киновари, которая применялась как незаменимый ярко-алый минеральный пигмент уже в Древнем Египте и ранней Византии, откуда и перекочевала к славянским народам.

Древнейшие глаголические рукописи, среди славянских, ближе всего в этом отношении к греческим того периода: в глаголических находим в заголовках малиновые (Мариинское Евангелие) и помазанные (Ассеманиево Евангелие) строки; глаголические заголовки пишутся, кроме того, более раздельно и более угловато чем текст, так сказать “более уставным почерком”, но по большей части уже гораздо крупнее текста; мелкие строки заголовков, нередки в Мариинском и Ассеманиевом Евангелиях, написаны строковым почерком и отличаются от текста строк только краской.

В Византии с начала X в., но еще не часто, заглавные строки, особенно в литургическом уставе, становятся более крупными и более каллиграфическими; буквы получают двойные контуры; эти контуры иногда оттеняются или сквозь заполняются краской, иногда двумя или тремя разными красками попеременно. Под конец X в. появляются украшения

на отдельных буквах и лигатуре (спайка) двух соседних букв. Но эти случайные появления ни здесь ни там еще не составляют системы.

С начала XI века византийские рукописи со схожими заглавными строками встречаются чаще всего и в их лигатуре – более сложные и более употребительные. Из этих элементов к середине XI века сложилась византийская вязь, то есть систематическое декоративное письмо. XII век есть время наибольшего распространения Византийской вязи, в XIII веке и особенно в XIV веке использование ее заметно сокращается, в XV веке она исчезает почти совсем. Византийская вязь, однажды сложившись, почти не менялась и даже в эпоху наибольшего расцвета была распространена гораздо меньше, чем на восточнославянских землях XV–XVII веков. Украшения Византийской вязи по большей части есть мелкие растительные мотивы (ветка, стрелка, глазок, завиток, крестик, листик, лучи, усики, хоботок, шип).

На славянской почве вязь смогла развиваться лучше, учитывая большое количество в письме славян крупных мачтовых букв, характеризовавшихся одной общей «мачтой» (столбом, стволом, вертикальной линией), лежащей в основе написания буквы, что в три раза больше, чем в греческом, следовательно, и более широкие возможности применять различные комбинации стилистических лигатур.

У южных славян вязь известна с XIII века. Древнейший её датированный памятник – 1230 год, надпись царя Иоанна Асеня II на мраморной колонне в церкви Сорока мучеников в Тырнове. Эта надпись, как и сербская вязь XIII века (например, в Шестадневе Синодальной библиотеки, 1263 год), далеко не может быть названа художественной. В XIV веке южнославянская вязь становится богаче и интереснее своих византийских образцов: южнославянские каллиграфы, очевидно, овладели стилем вязи и разработали его на более благодарной кириллической почве; сначала это замечается в грамотах – в именах и титулах болгарских царей и сербских королей, позже – во всех южнославянских рукописях.

С середины XIV в. художественная вязь широко распространилась в письменности; центром, с которого началось шествие вязи, Афон. В этой южнославянской вязи намечаются два стиля: природный и геометрический; первый черпает свои мотивы из мира растений и частично из мира насекомых (что заметно не только в мелких украшениях, но также в трактовке извилистых и округлых контуров самих букв); второй, гораздо более редкий стиль, избегает украшений и довольствуется строгим воспроизводством геометрических элементов кириллицы. Комбинация букв осуществлялась по-разному: путем слияния одинаковых частей соседних букв, подчинения одной буквы другой с помощью уменьшения размера и написания внутри большой буквы, не пересекая ее элементов, а также сокращая обе буквы и записывая их одну под другой.

Красивее этих стилей южнославянский средний стиль, соединяющий свободный геометрический характер букв с легкими растительными украшениями. Он также, как и византийский, не был труден для чтения и не представлял большой сложности композиции, составляющих её частей. Падение южнославянских государств еще в XIV в. остановило развитие южнославянской вязи на Балканах, которая еще держится в XV и XVI вв., рождая интересные манеры природного стиля, но не изобретая новые технические приемы. С XV в. появляется румынский вязь; она основана на южнославянской вязи и представляет различные манеры природного стиля; особенно распространена манера высоких букв с уменьшенными верхами и низами, которые довольно редко стоят на строке.

В конце XV в. вязь широко распространена по всей территории восточных славян. ей украшали оглавления и названия книг, использовавшихся в основном в религиозной сфере, редко в официальной и светской письменности (Статут Великого княжества Литовского 1566 года), также печатная вязь известна в некоторых изданиях Франциска Скорины и Симона Будного, датированных XVI–XVII веками. (Статут Великого княжества Литовского 1588 года).

С этого момента проявляются дифференциация в русской вязи. Восточнославянская территория была тогда разбита на два общественных Союза: литовско-русский и московский. В вязи западная и Юго-Западная Русь высказывались за природный принцип, беско-

нечно воссоздавая в подражаниях разного достоинства его южнославянские и румынские образцы.

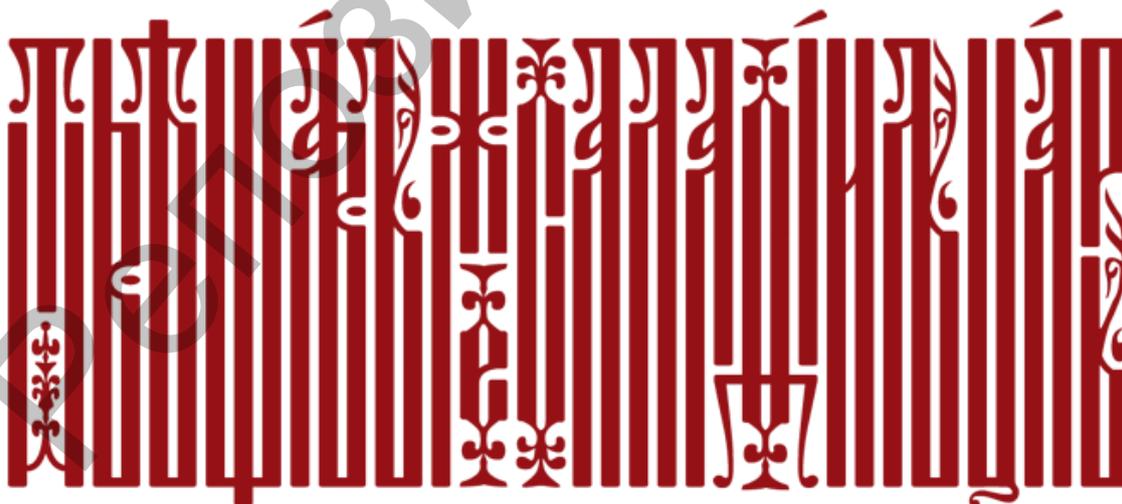
В Московской Руси возобладали геометрический принцип. При этом западная и Юго-Западная Русь ничего не прибавили к технической системе, созданной южными славянами, а Московская Русь создала различные, ранее нигде не известные технические приемы, давшие искусству вези интересное художественное развитие и ценные палеографические признаки. Около 1500 года (древнейший случай – в 1499 году) псковские рукописи нашли дробление старых мачтовых лигатур: общая мачта двух соседних букв дробится посередине.

Этот прием прежде всего дал повод увеличить указатель вязи, что раньше ограничило бы ее четкость: сейчас мачтовые лигатуры, не создавая своей компактности, приобрели делимость, и глаз без труда мог переходить от места дробления, наблюдая вверх и вниз выросшие мачты. Дробление до конца XVI в. могло использоваться вне псковских рукописей. Новгородская вязь XVI в. выявляет изящный геометрический стиль, но мало технических новообразований.

Во второй половине XVI в. Московская каллиграфическая школа Ивана Грозного, усвоив Новгородскую вязь после перехода Макария на кафедру митрополита, увеличивает количество полуштамбов: буквы, снабженные петлями, а также наклонными линиями, уже в южнославянской вязи могли создавать эти части или в виде дуг или в виде вертикальных линий с коротким округлением с одной стороны. Уже Новгородская вязь заменяла при этом повороты изломами, иногда придавала петлям и наклонным исключительно прямолинейные формы; небольшие вертикальные линии, при этом получающиеся вместо наклонных и кривых, могут быть названы полуштамбами. Однако количество вертикальных полуштамбов вызвало к жизни два новых технических приема:

1) новые полуштамбы располагались в одну вертикальную строчку частично одну с другой, частично со старыми штампами (мачтами); от этого получалось ошибочное дробление, то есть получались соединения, никогда не бывшие ранее мачтовыми лигатурами, но полностью подходившие на дробление старых мачтовых лигатур. И этот прием (до школы Ивана Грозного почти неизвестный) только к концу XVI века получает более широкое распространение;

2) буквы, получившие полуштамбы, могли подниматься или опускаться на этих полуштамбах, давая место то снизу, то сверху строки соседним буквам; с конца XVI в. этот прием распространяется на территории Московского государства.

К концу XVII в. были сделаны все существенные результаты из новых технических приемов: найдены все лучшие соединения, которые не мешали четкости. С этого момента начинается художественное падение вязи, которая, впрочем, продолжает жить в старообразной среде на протяжении XVIII и XIX вв. С XVIII в. вязь сберегается главным образом

в старообрядной письменности. Лучшие произведения старообрядного искусства, частично условно, называются поморским стилем (лучшие произведения старообрядной каллиграфии XVIII и XIX вв. сами старообрядцы связывают с историей Поморского толка, то есть одной из старообрядных русских церквей, получившей свое имя от Северного помора Европейской России. Не рассматривая хронологию всех приемов, можно ограничиться их перечислением:

- 1) полуштамб становится штамбом;
- 2) висячие полуштамбы умножаются;
- 3) буквы украшаются обрубками;
- 4) создаются неправильные обрубки;
- 5) полные штамбы создают многочисленные лигатуры;
- 6) полуштамбы создают многочисленные лигатуры с полуштамбами; все эти соединения походят на лигатуру;
- 7) появляются неправильные лигатуры того самого рода; все они походят на штампованный;
- 8) буквы подвергаются наклонному срезу;
- 9) симметричные части разводятся несимметрично в разные стороны;
- 10) является дробление некоторых полуштамбовых лигатур.

Все эти особенности, появляясь постепенно с конца XVII-начала XVIII в. и умножаясь в XIX в., имеют большое значение для палеографа. Все технические новообразования вязи, содержащие дату, представляют в тоже время известную художественную ценность. Однако следует иметь в виду, что и в вязи отсутствие признака не доказывает, что памятник создан до ее возникновения, а присутствие признака есть только исходная дата.

МОРАВИЗМЫ, ВОСТОЧНО- И ЗАПАДНОБОЛГАРИЗМЫ

Древнейшие судьбы русского и белорусского языков тесно связаны с жизнью других славянских наречий. У нас нет достаточных данных для возведения главных особенностей восточнославянской речи к эпохе общеславянского единства, т. е. к тому времени, когда славянская семья еще не распалась на те диалектические группы, к которым восходят современные славянские языки. Понятно, что и в общеславянском праязыке существовали диалектические различия, разнообразные говоры, но не эти разновидности, перешедшие и в отдельные славянские языки, послужили основанием для позднейшего обособления отдельных славянских наречий. В состав этих новых языков, в частности и в состав русского и белорусского, вошли разные говоры общеславянского праязыка, частью слившиеся, частью смешавшиеся между собою. Таким образом, историю русского и белорусского языков можно проследить только с момента выделения их из общеславянской семьи.

Сравнительное изучение славянских языков устанавливает следующее наблюдение. Общеславянская семья распалась сначала на две диалектические группы: западную и южную. В состав западной входили предки всех современных западных славян, т. е. поляков, кашубов, лужичан, чехов и словаков; в состав южной вошли предки не только современных южных славян, т. е. сербов, болгар и словенцев, но также и восточных. Наблюдение это основывается на следующих данных: во-первых, в западной группе сохранились, сохраняются и теперь звуки *m*, *ɗ* в сочетаниях с последующим *l* (ср. польск. *mydło, plotła*, чешск. *sadło, vedli*), между тем в южной – *m*, *ɗ* выпали (ср. древнеболг. *плела, вели, сербск. мило, вели, русск. мыло, плела, сало, вели*); во-вторых, в западной группе сохранялись сочетания *kw*, *gʷ* перед звуком **ѣ** (ср. польск. *kwiat, gwiazda*, чешск. *kvet, hvezda*), между тем как в южной эти сочетания в указанном положении переходили в *čv*, *ǰv* или *zv* (ср. древнеболг. *чвѣтъ, звѣзда*, сербск. *цвијет, звијезда*, русск. *цвет, звезда*).

Крещение Руси и политическое сближение с греками, закрепленное между прочим и брачным союзом Владимира, были видными результатами развития государственной мощи, создавшейся в X в. в южной России. Киев, благодаря этому, стал не только политическим и административным центром восточного славянства, но также и его культурным средоточием. Факт получения христианства из Греции ясно указывает на происхождение и основные элементы южнорусской цивилизации. Процесс формирования лексической системы старославянского языка уже долгое время привлекает внимание исследователей. Сложившись на основе солунского диалекта древнеболгарского языка, еще в начале своего становления старославянский язык испытал сильное влияние греческого языка – как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. В дальнейшем, в процесс переводческой деятельности Кирилла и Мефодия в Моравии и Паннонии, лексический состав старославянского языка обогатился словами чешско-моравского происхождения, а также заимствованиями из поздней латыни или древнегерманского языка, бытовавшими на территории Великой Моравии. В научной литературе они получили название **моравизмов**.

Следы чешского книжного влияния на церковнославянский язык русской редакции обнаруживаются в заимствовании целого ряда западнославянских слов. Таковы, например, слова: *закон* (в значении «testamentum»), *гроб* (для перевода лат. *monumentum*), *оплаток* (в значении: 'пресный литургический хлеб'; ср. лат. *oblata*, др.-в.-нем. *opl?ta*). Словом *оплаток* пользуются и Начальная летопись (под 986 годом), Феодосий Печерский, митрополит Никифор и др. «Трудно допустить, – пишет А. И. Соболевский, – чтобы русские узнали это слово от поляков (пол. *oplatek*, чешек, *oplatek*). Скорее они нашли его в каких-то не дошедших до нас памятниках церковнославянской письменности».

Итак, в кругу старославянизмов при помощи сравнительно-исторического анализа могут быть выделены не только **восточно- и западно-болгарские элементы**, но и мораво-паннонизмы и отражения других западнославянских языков (ср. работы Ягича, Вондрака,

Соболевского, Кульбакина, Облака, Евсеева, Михайлова, Воскресенского, Туницкого, Ван-Вейка, Вайса, Вайана, Горалка, Курца и др.).

Но при современном состоянии источников и знаний о старославянском и древнерусском литературном языках все эти разновидности старославянизмов в составе древнерусского языка не могут быть очерчены и установлены со всей полнотой и определенностью. В самом деле, даже состав той старославянской лексики, которая вошла в активный словарь русского литературного языка древнейшего периода, во всем его объеме и стилистическом разнообразии еще не определен. Естественно, что в структуре древнерусского языка должны были стереться и реорганизоваться те исторические, народно-диалектные и стилистические различия, которые, например, ощущались в старославянском языке болгарской редакции в X и XI вв. Если бы и было возможно выделить основной фонд старославянской лексики, унаследованный древнерусским литературным языком (ср. «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и дополнения к ним в трудах историков древнерусской литературы В. М. Истрина, М. Н. Сперанского, Н. Н. Дурново и др.), то это было бы лишь внешним чисто формальным решением проблемы.

В. М. Истрин высказал мысль, что лексика древнерусского народного языка была ближе к западнославянским языкам, чем к языкам южнославянским. «Словарный материал вышел из общего праславянского языка, но судьба его в каждой ветви и, далее, в каждом языке была не во всем одинакова. Иные слова могли утрачиваться, а иные вновь возникать в отдельных ветвях, следы чего обнаруживались позднее в сохранности того или иного слова не во всех ветвях славянских языков и, далее, не во всех отдельных языках. В отношении словарного материала русский язык оказался ближе к чешскому языку, нежели к южнославянским, как по количеству слов, так и по сохранности их значений. Поэтому не удивительно, что в русском языке, древнем и современном, оказываются слова, параллели которым не наблюдаются ни в дошедших до нас древнейших южнославянских памятниках, ни в современных сербском и болгарском языках, но которым находят параллели в языках чешском и отчасти польском (ср. в языке Хроники Георгия Амартола – по указанию П. А. Лаврова). Общность словарного материала между русским и чешским языками в памятнике в таких случаях будет исконной, идущей от древнейшего времени из общеславянского праязыка, как, например, большое количество глаголов с префиксом «вы», замененных в южнославянских языках (кроме словинского) теми же глаголами с префиксом «из», при сохранении, однако, последнего и в русском, и в чешском». С этой точки зрения и западнославянизмы в составе старославянского языка могли находить себе близкие соответствия в строе живой восточнославянской речи.

Н. К. Никольский доказывал, что словарь древнерусского книжного языка обнаруживает следы заимствований церковных и не церковных терминов западнославянского происхождения: «С исторической точки зрения остается неясным, почему словарный материал, какой мы имеем в древних наших памятниках, должен был переправляться из Моравии и Чехии сначала в Болгарию, а затем на Русь. Даже в самой летописи имеется ряд слов и выражений, сближающих ее с паннонскими жителями и с остатками древнейшей чешской письменности» (ср. *кмети*, *папезь* и т. п., *каланды*, *заповедь*, *неприятнь*, *олтарь*, *поганый* и т. п.). «Если бы наша письменность до конца XI в. была в зависимости только от Болгарии, – писал Н. К. Никольский, – то трудно также было бы объяснить, почему язык нашей летописи не знает целого ряда слов и оборотов, встречающихся у [болгарских] писателей времени царя Симеона» – так называемого золотого века древнеболгарской письменности.

А.А. Шахматов считал вероятным, что древнеболгарский язык стал распространяться в Киевском Поднепровье не только как язык церкви и духовного просвещения. Болгары были нашими естественными посредниками в деле усвоения византийской цивилизации. Тот факт, что договоры с греками, Олегов и Игорев, дошли до нас в древнеболгарском переводе, указывает на то, что древнеболгарская письменность проникала в Киев и до 988 года. Тщательные филологические исследования покажут в будущем ряд заимствованных в древнерусском языке слов, имеющих своим источником язык древнеболгарский и восходящих к эпохе более древней, чем та, когда Русь стала христианской. Сюда относятся, во-первых, такие слова, как:

плащъ, овоцъ, товарищъ, праца, виноградъ, сладкий, плѣнь, шлемъ и т. п., самой формой своей обличающие болгарское происхождение, но означающие понятия светского характера; вторых, сюда принадлежат и многие греческие слова, проникшие в русский язык через посредство болгар: *кровать, коромысло, баня, полаты, теремъ, парусъ, уксусъ, пардусъ* и т. п. Возможно, что вместе с материальной культурой Киевская Русь получила из Болгарии также и произведения народной словесности. Оказывается, даже в наших преданиях о Святославе, походы которого так тесно сблизили нас с Болгарией, сказалось влияние болгарской среды, болгарской народной песни. Искусственный язык наших былин, пестрящий болгаризмами, тесным образом связывает киевский эпос с не дошедшим до нас болгарским.

История восточнославянского литературного языка – это история постепенного развития просвещения. Главным орудием его распространения был перенесенный на русскую почву древнеболгарский язык. Русские люди стали писать и говорить на нем, приближая его в своем произношении к родному языку. Звуки древнеболгарской речи были заменены русскими: вместо носовых звуков они произносили звуки *у* и *а*, вместо болгарского **ѣ** (звука, в одних говорах близкого к *э*, а в других к *а*) произносили *е* или отождествляли его со своим **ѣ** (т.е. дифтонгом *ие*); сочетание *жд*, чуждое восточнославянскому языку, заменялось систематически через *жс*; сочетания слоговых *р* и *л* с последующими *ъ* и *ь* восточные славяне заменяли своими сочетаниями *ьр*, *ьл* (напр. *скръбъ* стали произносить *скръбь*, позже *скербь*, ср. русское *скърбь*, откуда *скорбь*); звук *г* (взрывный) они передавали своим (южнорусским) *г* фрикативным (*h*), и т. д. Подобные изменения были необходимы для возможности усвоения древнеболгарского языка более широкой средой; только они могли привести к его национализации. Постепенно в воспринятый для целей культурных язык врывались и другие особенности; они проникали и в морфологию и в синтаксис. Образованные люди в своих беседах и писаниях в скором времени не могли уже отличить родного от заимствованного: так близко стало им это заимствованное. Имеем все основания утверждать, что уже в XI в. произошло это преобразование древнеболгарского языка, это превращение его в древнерусский литературный язык. Понятно, что указанный процесс имел место прежде всего в Киеве, в южной Руси.

Письменность в скором времени распространилась и в другие области, попадая и в другие племенные центры; но она попадала сюда уже из Киева. Городское население, даже при том слабом развитии, которое оно имело в древнейшую эпоху, заметно отделялось от сельского; одним из существенных отличий была его цивилизованность, его культурность; а эта культурность тесно сопрягалась с влиянием Киева, а через него с более далеким влиянием Болгарии. Можно думать, что горожане, купцы, бояре и князья успели уже в то отдаленное время сильно видоизменить свою речь под влиянием книжного языка, пошедшего из Киева. Они усваивали себе ряд слов и понятий, ведущих к древнеболгарскому источнику. К XI веку можно с уверенностью возвести многие из заимствованных слов, дошедшие до нашего времени: слова, как *власть, съдравъ, страна, благо, срамъ, вредъ, время* и т. п., издавна вошли в разговорную речь верхов русского населения. Единение верхов способствовало единению вообще всего русского народа. Можно утверждать, что уже в историческое время, в XI–XII в., язык всех трех восточнославянских групп переживал ряд общих явлений в области морфологии и синтаксиса, частью даже фонетики. Явления эти не доказывают единства языка в ту эпоху, когда они возникли, но свидетельствуют о тесной близости между отдельными его частями, а эта близость была следствием указанных выше условий. В области фонетики отметим общие процессы при падении редуцированных: исчезновение из произношения полукратких *ъ* и *ь* и превращение в *о* и *е* кратких *ъ* и *ь*; в области морфологии – потерю аориста и давнопрошедшего, смешение окончаний в склонении разных основ, вытеснение вин. падежа родительным в одушевленных именах муж. рода; замена имен. мн. муж. рода винительным; потерю категории рода во множ. числе местоимений и прилагательных; в области синтаксиса – появление в русском языке таких оборотов, как *двѣ чудныхъ церкви, два родныхъ брата* вместо *двѣ чуднѣи церкви, два родная брата* и мн. др.

И если общеславянские слова, преобладавшие в старославянских текстах, были понятны древнерусскому читателю, то лексические единицы, заимствованные из греческого языка или же имеющие локальное распространение – **болгаризмы**, **сербизмы**, **моравизмы**, – вызывали определенные затруднения и требовали разъяснения. В начале варианты переводов и комментарии писались в виде глосс на полях рукописей, в дальнейшем они могли интерполироваться в текст, сопровождаясь такими конструкциями как *сирѣчь, рекше, еже есть* и т.п. Позднее на их основе стали складываться небольшие глоссарии, которые сопровождали литературные произведения – в частности, известны такие словарики к Лествице Иоанна Синайского, «Произвольники» к отдельным книгам нового Завета. К середине 16 века вместе с другими компиляциями «неудобь разумеваемых речей» они сформировали более обширные лексикографические своды, называемые лексисами или азбуковниками.

КОРПУСНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сегодня наука располагает богатым арсеналом технических средств обработки информации, содержащейся не только в текстах современных, но и в текстах, созданных довольно давно. Возможности, открывшиеся перед лингвистами, в то же время требуют создания методологической базы для исследования, совершенствования навыков работы с текстом, представленным в электронном виде, в частности на информационных порталах.

Корпусная лингвистика – область лингвистики, связанная с созданием и развитием корпусов текстов (Text corpus), их применением в качестве инструмента лингвистического исследования. Цель корпусной лингвистики: описание языка в том виде, как он проявил себя в речи, представленной в виде специально подобранного корпуса текстов.

История и основные понятия корпусной лингвистики

Термин «*corpus linguistics*» впервые был использован в 1977 году, что позволяет назвать корпусную лингвистику очень молодым научным направлением. Однако за это недолгое время корпусная лингвистика как один из подходов компьютерной лингвистики успела стать одним из ведущих направлений современной лингвистики вообще. В России же данный термин стал известен только к 1996 году, благодаря лекциям одного из создателей знаменитого Международного корпуса английского языка Сидни Гринбаума. Возникновению корпусной лингвистики предшествовал многовековой период применения корпусных методов и создания корпусов текстов, в то время еще так не называемых. В связи с неэлектронной формой хранения этих корпусов, а также неавтоматических способов обработки данных, выделяют особый период в истории развития корпусной лингвистики, называемый доцифровым. Многие доцифровые корпуса были связаны со священными писаниями различных религий, а наиболее исследованным из них стал корпус библейских текстов. Основанные на Библии списки слов с указанием стихов получили название конкорданций (симфоний).

Корпуса XVIII-XIX веков в большинстве своем представляли собой словари, а сам период характеризовался развитием лексикографии. Уже в конце XIX – начале XX века корпуса начинают создаваться с целью проведения лингвистических исследований или – чаще – для решения практических задач (например, для подсчета частотности языковых единиц). С изобретением и широким распространением ЭВМ для корпусной лингвистики наступает новый этап развития – создаваемые корпуса отличаются от уже существующих не только форматом хранения, но и своими объемами.

С появлением компьютерных способов обработки информации появились и возможности для развития корпусной лингвистики, уже с помощью информационных технологий. Современная лингвистическая работа часто невозможна без перевода текстов в электронную форму, что автоматически превращает их в так называемые «корпуса первого порядка». Использование цифровых средств позволяет не только создавать новые корпуса для решения актуальных проблем лингвистики, истории, социологии и других гуманитарных наук,

но также и продлевать жизнь старых корпусов, проводя их оцифровку и наполнение различными примечаниями и аннотациями, тем самым расширяя и углубляя их.

Корпусная лингвистика – пример того, как развитие информационных технологий не просто дало толчок для развития, казалось бы, далекой от использования вычислительной техники и чисто гуманитарной науки (лингвистики), но и породило особую научную область, которая на данный момент фактически является лидирующей по количеству исследований, базирующихся на ее методах. Как часто бывает в гуманитарных (и цифровых гуманитарных) науках, в компьютерной лингвистике нет четко регламентированных терминов, которые были бы единственно верными для определения тех или иных понятий. А значит, и для корпусной лингвистики каждый специалист может дать свое собственное определение. Однако трактовки основных понятий, составляющих основу методов корпусной лингвистики, которые можно встретить в учебниках, пособиях и статьях, посвященных лингвистическим корпусам, в целом являются схожими между собой. Для конкретики дадим следующее собирательное понятие лингвистического корпуса.

Корпус – это, так называемое, «тело языка», некое собрание текстов. Однако, в отличие от привычных для нас собраний текстов – библиотек, организованных для удобства чтения, в лингвистических корпусах тексты подготавливаются таким образом, чтобы их было удобно изучать. Существуют и другие определения понятия корпуса, анализируя которые, можно определить минимальные требования к корпусу или свойства, которыми он должен обладать:

1. **Репрезентативность.** Тексты, входящие в корпус, должны достоверно представлять выбранный язык или его часть. Для этого все отбираемые тексты должны обладать определенным объемом и жанровым разнообразием.

2. **Сбалансированность.** Важная характеристика корпуса, определяющая, насколько равномерно в нем представлены тексты разных типов.

3. **Известный объем корпуса.** Объем корпуса может быть любым и достигать миллионов словоформ, однако в любом случае его объем должен быть известен. Это позволяет исследователю переводить данные, содержащиеся в корпусе, в числовой формат, более подходящий для представления выводов исследований, а также использовать сложные формулы лингвистической статистики.

4. **Электронная форма представления.** Неотъемлемым свойством всех современных корпусов является их цифровой формат. Этот способ хранения и обработки корпусов позволяет экономить время на поиске и извлечении материала, а также избавляет исследователей от необходимости выполнять механический поиск по тексту. Помимо упрощения и ускорения обработки текстов, электронный формат также позволяет избежать ошибок при обработке материалов, используемых в исследованиях: если человек может проявить невнимательность один, два и даже десять раз, выполняя одно и то же монотонное действие в течение долгих часов, то при использовании компьютера риск возникновения таких ошибок минимален.

5. **Наличие разметки или аннотации.** Для того, чтобы корпус можно было эффективно изучать, необходимо, чтобы присутствовала возможность его расширения как в «ширину» (по объему), так и в «глубину» (по количеству информации о единицах корпуса). Последнее также определяет требования наличия специальной разметки текста, представляющей собой метатекстовую или лингвистическую информацию о выбранных единицах корпуса.

Множество корпусов, используемых современными лингвистами в различных исследованиях, можно классифицировать по множеству различных признаков. Самое простое деление предполагает выделение *одноязычных и многоязычных* корпусов. Если происхождение первого типа корпусов очевидно, то корпуса второго типа собираются из текстов, возникающих в нестандартных ситуациях многоязыкового общения или же одинаковых текстов, переведенных на разные языки. В связи с последними выделяют параллельные и сравнительные корпуса.

Еще одно важное разделение – *по типам текстов*. В корпусе могут храниться тексты как письменной, так и устной речи, разговорные и публицистические, разговорные, исторические и тексты других видов и жанров. Каждый вид текстов, в свою очередь, важен и полезен при проведении исследований для различных гуманитарных наук – истории, со-

циологии и других. Важно отметить, что при создании корпуса изначально не накладываются никаких ограничений на тип текста. Единственным критерием для отбора является задача, для которой собирается корпус.

Помимо полных текстов, корпус может содержать только фрагменты различных текстов. Считается, что фрагментированные корпуса обеспечивают лучшую сбалансированность собранного материала.

Корпуса, имеющие разметку (аннотированные или размеченные) по типу этой разметки делят на *метатекстовые* и *лингвистические*. Метатекстовая разметка представляет собой информацию о самом тексте с точки зрения его информационных свойств – жанре, времени создания и т.д. Лингвистическая же разметка содержит данные о фонетике, синтаксисе, морфологии и т.д. представленного в корпусе текста.

Корпус, который в достаточной мере представляет все разнообразие изучаемого языка, называется *представительным*. Для наблюдения за изменениями, происходящими в языке, в режиме реального времени, создаются *мониторинговые* корпуса. Для иллюстрации тех или иных явлений (а не языка в целом), используются относительно маленькие по объемам корпуса – *иллюстративные*.

Наконец, как и для любой информации, для лингвистического корпуса определяется режим доступа – корпус может быть *свободно распространяемым, распространяемым по академической лицензии или с ограниченным доступом*.

Лингвистический корпус – репрезентативная (соответствующая представляемой функционированию языка) совокупность текстов, собранных в соответствии с определёнными принципами (соответствующими задаче), размеченных (снабженных аннотациями), обеспеченных специализированной поисковой системой.

Основные направления корпусной лингвистики:

- Теоретические проблемы корпусной лингвистики.
- Стандарты в корпусной лингвистике.
- Инструментарий для разработки и использования корпусов.
- Методы и технологии создания корпусов.
- Лингвистическая и экстралингвистическая разметка корпусов.
- Специализированные корпуса текстов.
- Параллельные корпуса текстов и машинный перевод.
- Лингвистические исследования на базе корпусов.
- Корпусы устных текстов.
- Корпусы текстов и формальные онтологии, тезаурусы, базы данных.
- Использование корпусов в образовании и гуманитарных науках.
- Использование корпусов в разработке автоматизированных систем обработки

текста.

Ограничения корпусов:

- Корпус текстов не является самодостаточным.
- Из корпуса текстов невозможно извлечь все возможные лингвистические выводы.
- Корпусная лингвистика не отрицает ценности и необходимости исследования речевых данных, не представленных в корпусной форме.

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С СОЗДАНИЕМ АВТОМАТИЧЕСКОГО ЭЛЕКТРОННОГО ЛЕММАТИЗАТОРА

Лемматизация (англ. **lemmatization**) – это метод морфологического анализа, который сводится к приведению словоформы к ее первоначальной словарной форме (лемме). В любом естественном языке существует некоторый процент слов, которые могут давать неоднозначные результаты в процессе лемматизации, например, словоформа «рой» может в итоге быть приведена к двум леммам – «рыть» (глагол) и «рой» (существительное).

Исходная форма слова – термин, используемый иногда в лингвостатистике в значении «основной формы слова», – является не совсем правильным, ибо под исходной формой слова в языкознании понимается простая (или производная) основа, являющаяся источником дальнейшего словообразования и формообразования.

При лемматизации мы берем слово и получаем для него лемму – нормальную (начальную, словарную) форму: «словарем»⇒«словарь». Для русского языка это означает, что существительное в любой грамматической форме приводится к форме именительного падежа. Для подавляющего большинства русских существительных нормальная форма также означает единственное число, хотя для некоторых существительных, не употребляющихся в единственном числе, это может быть и форма множественного числа: «санками»⇒«санки». Русский лексикон сформирован таким образом, что названия словарных статей всегда соответствуют начальной форме существительного. Поэтому лемматизация может быть *побочным продуктом морфологического анализа*. Однако морфологический анализ сам по себе достаточно тяжел и требует наличия очень большой словарной базы. Исследователи, занимающиеся анализом текстов в старой орфографии, особенно текстов XVII–XIX веков, хорошо знают, что существующие лингвистические средства (spell-чекеры, лемматизаторы, программы распознавания), ориентированные на современный язык, не годятся для анализа старых текстов. Эти программы правильно анализируют формы, совпадающие с современными (рука, новый, милость), однако формы, отличающиеся от современных (*домъ, домѣ, новаго, милостию, безсильныя, ходити*), не распознаются (считаются ошибкой), даже если все отличие сводится к конечному -ь.

Лемматизатор mystem имеет ограниченную поддержку старой орфографии путем приведения ее к современному написанию по простым формальным правилам. Он правильно анализирует многие дореформенные написания, однако не может учесть все устаревшие формы и леммы и нередко строит для них неправдоподобные гипотезы. Для адаптации программы к языку 18–19 века необходима серьезная правка словаря и грамматических таблиц, однако код программы и словарей закрыт.

Лемматизатор Диалинг и основанный на нем *rumorphy* имеют открытый код, который можно адаптировать для старой орфографии. Однако сами словари и грамматические таблицы представлены в техническом формате, который непрозрачен и неудобен для редактирования, а преобразование их в читаемый вид потребует серьезной переделки кода.

Список других морфологических анализаторов для русского языка можно найти в материалах форума «Оценка методов автоматического анализа текста». Некоторые из этих систем, помимо лемматизации, способны решать более сложные задачи: порождение гипотез для нераспознанных слов, разрешение синтаксической неоднозначности (дизамбигуация) и др. Однако все они ориентированы на современный русский язык, а возможность их настройки на другие орфографические системы и модели словоизменения представляется достаточно сомнительной. Вместо того, чтобы пытаться переделывать чужой код, нам оказалось проще написать собственный лемматизатор, включающий возможность гибкой настройки и адаптации к языку XVIII–XIX веков, который имеет заметные орфографические, морфологические и лексические отличия от современного языка. Ключевым компонентом для решения этой задачи являются не программы и алгоритмы, а полнота и точность словаря и грамматического описания, а также удобный формат для их записи.

В принципе, для анализа текстов вместо лемматизатора можно сделать простой список словоформ с разборами. Однако чтобы сделать такой список, нужно вначале научиться разбирать слова, причем не вручную, а автоматически. Поэтому даже на начальном этапе все равно нужен какой-то лемматизатор, в который нужно ввести хотя бы минимальную информацию о словоизменении (иначе он просто не сможет работать), а дальше обучать. Такой метод является единственно возможным для малоизученных языков, для которых нет нормального словаря и грамматического описания, поэтому они создаются индуктивно в процессе анализа существующих текстов. Однако это не относится к русским текстам XVIII–XIX веков, для которых существует обширная словарная и грамматическая база.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Вопросы для обсуждения

1. Предмет, методы и задачи дисциплины.
2. Лингвистическое источниковедение и преподавание лингвистических дисциплин.
3. Источниковедческая база языкознания.
4. Национальный электронный корпус русского языка.
5. Теоретические и практические аспекты лингвистического источниковедения.
6. Текстология и методы установления подлинности текста.
7. Корпусные и лингвотекстологические исследования.

Задания.

1. Сравните цель, задачи и источники лингвистического источниковедения и истории языка.
2. Охарактеризуйте источники в новейших историко-лингвистических исследованиях, источники академических исторических словарей.
3. Порассуждайте на тему «Параметры и возможности интерпретации данных».
4. Раскройте типологию и классификацию лингвистических источников.
5. Выделите и охарактеризуйте основные понятия текстологии.
6. Раскройте цель и суть процессов электронного фрагментирования источников, историко-лингвистического описания источников.
7. Подготовьте обзорный реферат по особенностям лингвотекстологических исследований в России и Беларуси.

ПАЛЕОГРАФИЯ И МЕТОДЫ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РУКОПИСИ

Вопросы для обсуждения

1. Материалы письма.
2. Орудия письма.
3. Переплёт книг и рукописей. Процесс письма.
4. Декоративное письмо.
5. Водяные знаки и их происхождение.
6. История возникновения первой славянской азбуки.
7. Кириллица в истории восточнославянской письменности.
8. Стили кириллического письма.
9. Латиница и арабское письмо в истории восточнославянской письменности.

Задания

1. Проведите сравнительный анализ образцов вязи разных школ.

ВѢСѢЛІЯ СЪВѢДѢНІЯ ИНОУ

ДѢЛЪ ХЪЗЪА СЪВѢДѢНІА

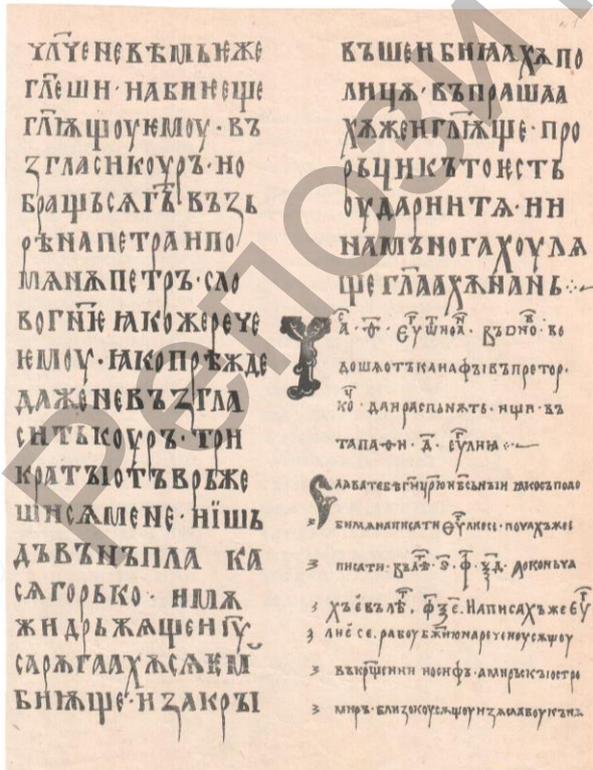
КНИЖА ИНОУ СЪВѢДѢНІА

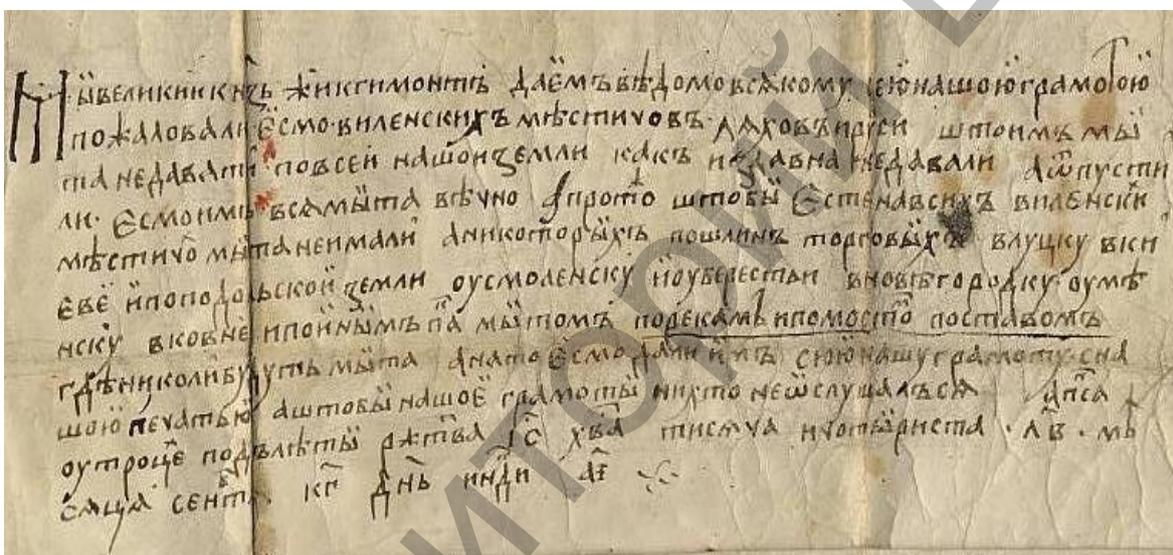
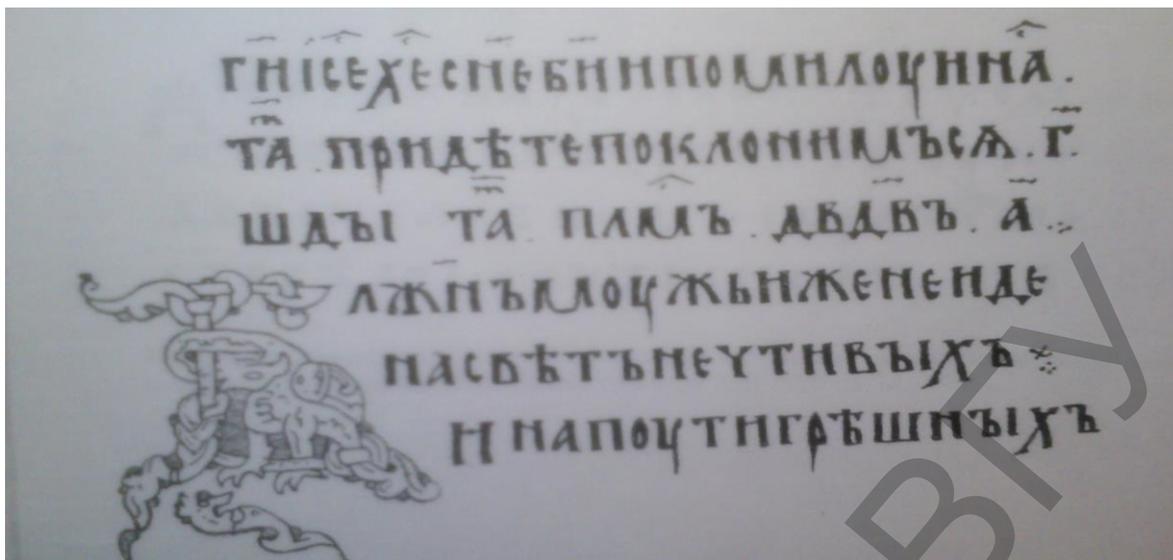
Ш П П К О М Ъ . П О
 Б Р А Щ Е Н Н І Е Д В Ы
 Н І Е Д П П О У А Д Ы
 М Ъ С Н І М Ъ Т В О І М
 Г Д Е М Ъ М А Ш Н І М
 І Е Х І М Ъ Н Ж Е П О К А
 З А П А М Ъ П Ц Н О В Ъ
 Н С Т Ъ . П О Б Р А З Ъ

2. Прочитайте отрывок, охарактеризуйте тип (стиль) письма, назовите период и характерные признаки.

Ш П П К О М Ъ . П О
 Б Р А Щ Е Н Н І Е Д В Ы
 Н І Е Д П П О У А Д Ы
 М Ъ С Н І М Ъ Т В О І М
 Г Д Е М Ъ М А Ш Н І М
 І Е Х І М Ъ Н Ж Е П О К А
 З А П А М Ъ П Ц Н О В Ъ
 Н С Т Ъ . П О Б Р А З Ъ

3. Выполните палеографический анализ графики текстов, написанных уставом и полууставом.

4. Выполните тренировочные упражнения по прочтению скорописи.

ПОДГОТОВКА ИЗДАНИЙ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ. НАУЧНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ИСТОЧНИКОВ

Вопросы для обсуждения

1. Палеографические приметы рукописных книг разновременной принадлежности.
2. Моравизмы, восточно- и западноболгаризмы в древних восточнославянских рукописях.
3. Электронное фрагментирование источников.
4. Историко-лингвистическое описание источников.
5. Проблемы, связанные с созданием автоматического электронного лемматизатора.
6. Электронные и книжные издания.
7. Подготовка изданий памятников письменности и словарно-справочных указателей разного типа.
8. Научно-лингвистическое издание источников.
9. Информационные технологии. Создание электронных коллекций или библиотек лингвистических источников.

Задания

Подготовить к изданию три старорусских и три старобелорусских памятника письменности с комментариями. Для этого:

1. Выбрать из предложенного списка источников (см. ниже) **три разных** старорусских и **три разных** старобелорусских памятника письменности.
2. Пользуясь текстами этих памятников письменности, размещенными в интернет-источниках и хрестоматиях по истории русского (белорусского) литературного языка, выбрать три отрывка объемом 1000–1200 знаков (по одному отрывку из каждого выбранного текста);
3. Подобрать шрифт, разбить, если требуется, текст на слова, набрать в формате Word, обозначив выносные буквы и надстрочные знаки (подбирается из доступных коллекций Microsoft Office).
4. Описать палеографические особенности данных источников (предварительно ознакомившись с теоретическим материалом по палеографии, размещенным в данном курсе).

Список источников

«Житие Саввы Освященного», «Иудейская война» Иосифа Флавия, «Пролог», «Паренесис Ефрема Сирина», летопись «Повесть временных лет» (1113), белорусские летописи короткой и полной редакций, естные летописи («Суздальская летопись», «Киевская летопись», «Барколабовская летопись»), историко-мемуарная проза («Слово о полку Игореве», Поучение Владимира Мономаха, «Исторические записки» Ф. Евлашевского, «Сказание о Борисе и Глебе» (XII в.)), религиозно-дидактические, житийные и полемические произведения («Слово на антипасху» Кирилла Туровского (XII в.), произведения Климента Смолятича (XII в.), «Моление» Даниила Заточника (XII–XIII в.), «Житие Феодосия Печерского» (XII в.), «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (XI в.)); деловые документы («Русская правда», грамоты X–XIII вв. (новгородские берестяные грамоты, Смоленская грамота на пергамене и др.), Ильина книга, Статуты ВКЛ, Метрики ВКЛ), оригинальные и переводные произведения (стихи А. Римши, С. Полоцкого, «Повесть о Бове», «Повесть о Тристане»), церковно-религиозная литература (Успенский сборник, Путятиня минея, Соборное Уложение 1649 г. и др.); оригинальные и переводные религиозно-бытовые, рыцарские и исторические повести (историческая повесть «Александрия», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Задонщина», «Повесть о Ерше Ершовиче», «Калязинская челобитная» и др.), сатирические произведения XVII в. («Речь Мелешки» и «Письмо к Обуховичу»), произведения С. Полоцкого, издания Ф. Скорины, С. Будного, В. Тяпинского, публицистика (переписка царя Ивана Грозного и князя Андрея Курбского, белорусская публицистика XIX в. и др.).

КОНТРОЛЬ УСВОЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Вопросы для самоконтроля и экзамена по дисциплине «Лингвистическое источниковедение»

1. Лингвистическое источниковедение как новое направление в языкознании.
2. Лингвистическое источниковедение и история языка.
3. Теоретические и практические аспекты лингвистического источниковедения.
4. Типология и классификация лингвистических источников.
5. Палеографическое изучение источников и методы палеографического анализа рукописи.
6. Материалы письма. Основные материалы письма у славян.
7. Особенности приготовления и состав чернил от древних писцов до наших дней.
8. Орудия письма древних писцов и переписчиков. Современные устройства письма.
9. Переплёт древних и современных книг и рукописей.
10. Процесс письма. Особенности древнего письма.
11. Декоративное письмо.
12. Водяные знаки и их происхождение.
13. История возникновения первой славянской азбуки.
14. Кириллица в истории восточнославянской письменности.
15. Стили кириллического письма: устав, полуустав, скоропись.
16. Латиница в истории восточнославянского письменности.
17. Белорусский язык арабскими буквами.
18. Текстология и методы установления подлинности текста.
19. Лингвистическое комментирование языка рукописей.
20. Корпусные и лингвотекстологические исследования.
21. Электронные и книжные издания. Электронное фрагментирование источников.
22. Историко-лингвистическое описание источников. Перечень параметров.
23. Проблемы, связанные с созданием автоматического электронного лемматизатора.
24. Лингвистическое источниковедение и преподавание лингвистических дисциплин.
25. Источниковедческая база языкознания. Источники в новейших историко-лингвистических исследованиях. Источники академических исторических словарей.
26. Национальный электронный корпус русского языка.
27. Параметры и возможности интерпретации данных.
28. Подготовка изданий памятников письменности и словарно-справочных указателей разного типа.
29. Научно-лингвистическое издание источников.
30. Создание электронных коллекций или библиотек лингвистических источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, И. Методы текстологического исследования лингвистических источников XI–XVII вв. / И. Алексеев // Русистика сегодня. Язык: система и её функционирование. – М., 1988.
2. Армс, В. Электронные библиотеки / В. Армс. – М., ПИК ВИНТИ, 2001.
3. Астахина, Л.Ю. Лингвистическое источниковедение и историческая лексикология / Л.Ю. Астахина // Вестник ПСТГУ. Серия «Филология». – 2008. – Вып. 1(11). – С. 7–17.
4. Верещагин, Е.М. Церковнославянская книжность на Руси. / Е.М. Верещагин. – М.: «Индрик», 2001. С. 236–240.
5. Виноградов, В. В. Избранные труды. История русского литературного языка / В.В. Виноградов. – М., 1978. – С. 10–64.
6. Глинкина, Л.А. Лингвистическое источниковедение в кругу смежных гуманитарных наук / Л.А. Глинкина // Деловой язык XVIII-начала XIX вв. на Южном Урале и в Зауралье. – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. – С. 15–22.
7. Демина, Е.И. Лингвистические проблемы издания славянских памятников / Е.И. Демина // Текстология славянских литератур. – Л., 1973. – С. 193–203.
8. Добродомов, И.Г. Проблема филологической достоверности материала в исторических исследованиях / И.Г. Добродомов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2002. – № 4. – С. 5–20.
9. Жуковская, Л.П. Лингвистические данные в текстологических исследованиях / Л.П. Жуковская. // Изучение русского языка и источниковедение. – М., 1969. – С. 25.
10. Захаров, В.П. Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов / В.П. Захаров, С.Ю. Богданова. – Иркутск. ИГЛУ, 2011. – 161 с.
11. Исследования в области лингвистического источниковедения. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
12. Коваленко, К.И. Моравизмы в азбуковниках XVI-XVII веков / К.И. Коваленко // VII Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сборник научных работ. – Севастополь: Гит Пак, 2013. – С. 159–167.
13. Козлова, Н.В. Лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология / Н.В. Козлова. // Вестник НГУ. Сер. Лингвистика. – Новосибирск, 2013. – 95 с.
14. Комарова, З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие / З.И. Комарова. – М.: Флинта, Наука. – 2013. – 820 с.
15. Котков, С.И. Источниковедческие исследования и научное издание памятников в области русского языка / С.И. Котков // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. – М., 1991. – С. 3–13.
16. Котков, С.И. Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности / С.И. Котков. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.
17. Котков, С.И. Лингвистическое источниковедение и история и русского языка / С.И. Котков. – М., 2010. – 294 с.
18. Лингвистические источники: Фонды Института русского языка. – М.: Наука, 1967.
19. Марков, В.М. О языке синодальных и комиссионных списков в Новгородской летописи / В.М. Марков, И.Е. Еселевич // Вопросы истории, филологии и педагогики. – Вып. 2. – Казань, 1967.
20. Нагель, О.В. Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении / О. В. Нагель // Язык и культура. – М., 2008. – № 4. – 118 с.
21. Николаев, Г.А. Лингвистическое источниковедение. К постановке проблемы / Г.А. Николаев. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152, кн. 6. – С. 37–44.
22. Пантелеева, Л.М. Лингвистическое источниковедение: периодизация науки и задачи на будущее / Л.М. Пантелеева. // Вестн. Пермск. ун-та. Сер. «Российская и зарубежная филология». – Вып. 3(27). – 2014. – С. 104–112.

Учебное издание

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Методические рекомендации

Составитель

ЗИМАНСКИЙ Вадим Элдарович

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Компьютерный дизайн

Л.Р. Жигунова

Подписано в печать 05.04.2021. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 5,69. Тираж 35 экз. Заказ 48.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.